

С ПЕРВЫМ МАЯ, ДРУЗЬЯ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

Год издания 32-й
№ 52 (4177)

Воскресенье, 1 мая 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Рис. А. ШУЛЬЦА

В ЭТИ ДНИ мне повсюду слышатся голоса весны. Недавно в стени я слышал журавлиное курлыкание. Был вечер. Я не увидел стаю, но узнал привычный крик журавля, вслед ему раздался ответ всей стаи, и долго еще в воздухе реял гомон журавлей. Но я слышу весну не только в пении птиц. У нас голубая и розовая весна. Все холмы, все предгорья, окружающие столицу таджиков, покрыты цветами миндаля и урюка. Я гляжу на склоны гор, ветер наклоняет густые травы, и как будто изпод земли вырывается огненное пламя. Это открылись тюльпаны. Зеленеют поля хлопчатника. Нынешней весной мы посеяли квадратами значительно больше, чем прежде. И скоро нашему колхознику не придется с кетменем обходить ряды — все будет делать машина. Впервые засеяны всегда чашившиеся пустынями, заброшенными и засухами залежные земли Голодной степи, те 50 000 гектаров, которые подарили таджикскому народу наши братья — соседи узбеки.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ,
лауреат Ленинской премии

Дневник ПИСАТЕЛЯ

Степь получила воду. Появились новые дороги, новые совхозные поселки, построены школы, больницы, заделали молодые саженцы.

Хлопок — гордость народа. Нам особенно приятно, что нынешней весной мы заложили его больше, чем прежде. Колхозники научились применять и новую технику, и последние достижения химии. Сейчас любой кишлачный мальчишка расскажет вам про гранулированные удобрения. И никто уже теперь не увидит пугал управления на дождевальном установе. Страна растет. Шире и богаче становится мир людей. И когда мы говорим, что в душе каждого из нас, каждого сына нашей Родины зреет глубокая признательность партии, которая ежедневно приносит ему радость и счастье, то мы вправе это чувство благодарности называть весной нашей жизни. И не зря поэты нашу семилетку, дни и годы величайших достижений народа называют весной коммунизма. Это действительно так.

В верховьях Вахша есть каменное ущелье. Внизу, на громадной глубине, бес-

Вспомогательный номер

- ★ М. Турсун-заде: Я слышу голос этой весны.
- ★ Статьи наших зарубежных друзей: А. Вюрнсера, Ф. Кубки, Д. Норта.
- ★ Соперница Братской ГЭС.
- ★ Советская семья.
- ★ Наука наступает.
- ★ Александр Твардовский закончил десятилетний труд.
- ★ Новые произведения А. Балтакиса, К. Паустовского, В. Фоменко, ША Су, П. Соколов-Скаля о выставке «Советская Россия».
- ★ Весенний «Литературный музей».

ГОЛОС ВЕСНЫ

нуется дикий Вахш. И как ему не бесноваться! После ширины и разлива многоводная река в этом месте сжата узкой каменной тесниной. Горы отступили, не жидкая вода победила камень. Река прорезала каменные уступы. Здесь, неподалеку от горного кишлака Нурек, мы строим гигантскую электростанцию — Нуρεкскую ГЭС. Это будет самая мощная электростанция в Средней Азии.

Придирчивый читатель может спросить: зачем же хлопковой республике столько энергии? Но Таджикистан давно вышел из детского возраста. У нас развиваются многие отрасли сельского хозяйства, растет и промышленность, которая тем не менее тесно связана с хлопководством. Таджикистан — горная страна. Мы сеем хлопок на плодородных лесовых землях, находящихся подчас на высоте более 1000 метров над уровнем моря. Воду надо поднимать насосами, а насосы и мощные насосные станции, как известно, приводятся в движение электричеством. Нуρεкская ГЭС сохранит нам воду для полива, и она же поднимет воду на поля. Мы получим десятки тысяч гектаров плодородных земель, на которых будет произрастать тонковолокнистый, лучший в мире и самый высокоурожайный хлопок. Вахшская долина обладает не только огромными площадями плодородной земли, но и запасами нефти, каменного угля, минеральных солей. Новые шахты, нефтяные промыслы, химические заводы будут питаться энергией Нуρεкской ГЭС.

Нынешней весной многие старик-колхозники приходили к берегу Вахша, беседовали с геологами, изыскателями и строителями, дорожниками и гидротехниками. Старик удивлялся, как быстро растет городок строителей, удивлялся еще больше, когда им рассказывали, сколько новых городов появится в Вахшской долине. А некоторые из них не удивлялись. Ведь они уже побывали на Черепанной и Головной ГЭС, расположенных тут же, в Вахшской долине.

Да, многие наши старики стали путешественниками. Всяма просто теперь совершить переезд из Вахшской долины на наш таджикский север. К гидроэлектростанции «Дружба народов» можно долететь на самолете за два часа. Я вспоминаю шутку нашего Афанди. Говорят, что когда Афанди собрался в Мекку, он сел на осла и выехал на дорогу. Потом остановился, посмотрел вдаль и повернул обратно: «Нет, — сказал он, — если до ближайшего кишлака так далеко, что даже не видно, где он, то, пожалуй, нечего ехать

в Мекку». Раньше человек всю жизнь жил в одном кишлаке, а сейчас люди, даже живущие в отдаленных высокогорных кишлаках, бывают в городе, дома у себя слушают радио, смотрят телевизионные передачи, путешествуют на автомобилях по асфальтированным горным дорогам.

И еще одна примета нынешней таджикской весны. Народ решил озеленить все наши холмы. Когда-то считалось, что расти там ничего не будет. А вот несколько лет назад посадили на холмах вокруг Сталинабада миндаль и ачу, и сейчас на одном из самых больших холмов вырос великолепный парк. Поднялось народное движение садоводов и виноградарей. Мощные буровые машины прорывают артезианские скважины, и воды в них столько, сколько понадобится, чтобы на нашей плодородной почве, под нашим ярким солнцем вырастали сады...

Свежий весенний ветер современности озадачил нашу литературу — в нее влился новый отряд молодых прозаиков. Советскому читателю уже известны первая повесть Х. Назарова «В поисках Карима Девоня», очерк Ф. Мухаммадиева «Фатих и Музаффар», А. Силки — цикл очерков о Дауре, новая повесть П. Толяса «Дето», путевой очерк Дж. Крайни «От Сталинабада до Киева».

Интересным и новым в таджикской литературе мне кажется то, что мы все с серьезностью и ответственностью заговорили о мастерстве, заговорили и на съезде партии республики, и на съезде писателей, и на партийных собраниях, и в дружеских беседах, обсуждениях, диспутах.

Весь еще немало, к сожалению, появляется у нас серых, невыразительных произведений. И поэтому непременно нужно объяснять писательской молодежи ее ошибки, идушие, как мне думается порою от неправильного понимания и неправильного освоения классического наследия. Другой раз прямо ливу даешься: как это молодой поэт сравнивает трактористку с волшебной перой, о которой мечтает, подобно Мелжуну, стелая вместе с соловьем и поникшей розой? Трудно меня, поэта, обвинить в том, что я против соловьев и роз. Нет, я против эпигонской поэзии, против бездумного подражательства, против затасованных образов и форм, повторяющихся из журнала в журнал, против стихотворений, в которых нет ни капли своего взгляда на жизнь, нет мастерства, а лишь ремесленная потонка затертых слов по определенному ритму, по определенную форму стихосложения — аруза.

Я хочу сказать еще о мере ответственности нашей литературы не только перед советским народом, но и перед народами зарубежного Востока. За последние годы мне пришлось побывать во многих странах. Я увидел, сколь велик интерес всей советской литературе и, в частности, к таджикской, к нашему Афанди, к нашей поэзии, нашим повестям и романам.

И только что вернулся из независимой Гвинеи. Это — страна золота и ал-

мазов, железной руды и бокситов, страна неиссякаемых возможностей земледелия и садоводства, и в том числе хлопководства. В одной деревне я наблюдал за сбором плодов и подумал — тут возникает проблема сбора урожая, только сбора. Природа создала в этой стране такое богатство флоры, которое уже сейчас способно обеспечить население, а в будущем умножить во много раз богатство и силы страны. Я встретил этих удивительно жизнерадостных людей, искренне верящих в процветание своей республики. Мне довелось побывать в будничном день в небольшой деревеньке, и я видел, как все ее жители помогали одной семье строить дом, как в минуты отдыха все танцевали, пели, и это весело в меня уверенность, что так же дружно, общими усилиями будет построено национальное государство, свободное от цепей колониализма.

В Конакри на 2-й конференции солидарности стран Азии и Африки я слушал выступления делегатов стран Африки. Они гневно и страстно осуждали колониализм. Народы Африки хотят видеть свободным и независимым весь свой континент, хотят изгнать оттуда империализм и покончить, наконец, с колониализмом. Слушая выступления, я думал о том, что движение, охватившее всю Африку, похоже на весенний поток, который сметает всю грязь на своем пути. Это и есть начало подлинной весны Африки.

Да, очень много изменилось на земном шаре за последние годы.

Свободу, национальную независимость угнетенных народов, освобождение от власти колониализма — вот что несет нынешняя весна. Другого не может быть на земле — это понимают все народы. Вот почему с такой радостью, с таким волнением встречали люди разных стран посланца мира Никиту Сергеевича Хру-

щева. Где бы ни был он — в Соединенных Штатах Америки, в Индии, Индонезии, Бирме, Афганистане, Франции — везде простые люди встречали его с восторгом. Но они верят советскому народу, знают, что визиты Никиты Сергеевича — великая миссия доброй воли всех советских людей, всех людей мира.

Визиты Н. С. Хрущева — начало весны, дыхание которой растапливает снежные сугробы «холодной войны». Идет весна — лучи солнца согревают землю, согревают сердца миролюбивых народов. Даже многие деятели капиталистических стран, трезво рассуждая, говорят теперь, что при нынешнем соотношении сил, при нынешней силе лагеря мира война становится невозможной. В этом огромном величье дела мира, которое с каждым годом, с каждым днем находит все большее и большее количество активных приверженцев.

Предстоящая встреча глав правительств произойдет в весенний месяц года — в мае. Люди мира с надеждой ждут этих переговоров, они связывают с ними свои надежды на мир, на счастье. Когда я писал эти строки, я вспомнил одну встречу. Это было в Иране, в городе Хамалане, весной. Это необычайно красивый город. Он окружен сверкающими снегом горными вершинами. С гор мчатся в реку водопады и бурные ручьи, а вокруг — сады, сады, сады. Идя по улице, я услышал голос певца. Он сливался с голосами соловьев. Я невольно остановился и прислушался. Голос был изумительный. Человек шел о том, что видел вокруг: о весне, о цветении садов. Он приближался ко мне, и, наконец, я увидел его. Это был мужчина средних лет, белоокалый, видно, движущий в тяжелой ноше. Он шел, обращая на меня никакого внимания, шел потому, что радовался весне. Глядя на него, на его одежду, на его лицо, я подумал, что, наверное, в том этого человека редко приходит счастье. Подумал и о том, что пройдет весна, умолкнут соловьи, а песня человека замрет...

Я за то, чтобы не уходила весна, как не уходит она из наших домов, я за то, чтобы она пришла к народам мира и принесла всем людям планеты свободу, независимость, счастье, радость бытия, мир.

Я слышу голос этой весны.

Альгимантас БАЛТАКИС

РАБОЧЕЕ БРАТСТВО

Ночью вдруг тишина
Придавила меня.
— Кто поможет?

Я огляделся
И увидел, что в комнате толпы людей,
Хоть она и казалась пустой.
Я увидел, как вдруг распахнулась стена

И навстречу мне вышел каменщик
В перемазанной старой спячке.
А потом я услышал рыдания пил!
Лесорубы валили дубраву,
Дуб как будто вздохнул и, ветвями
взмахнув,
Шумно рухнул на рыхлую землю.
Топоры застучали, и брызнули встви,
И обрушенный ствол упал в грузовик,
И шофер улыбнулся сквозь стекла
кабинки.

Стол, блестящий, как зеркало,
письменный стол
Столяров вслед за этим показывать
стал,

А потом — лесопильню.
И пошел. И пошел!
За картиной — картина.

Пока не устал.
Я в окно поглядел, где снесло стекло,
От порывов осеннего ветра дрожа.
Снова — вижу людей.
Вот — копают песок,
Вот — везут на завод.
Вот огромные печи режут.

Инженер
Поглядел на пирометр — с опаской.
Жара.

Пар. Тревога. Волнение. Морозно
блестя,

Громождится стекло.
Скольких рук,
Теплых рук,
Человеческих рук
Создавали холодное это стекло!
Я не все увидел. Но — вперед!
Вот настольная лампа — ближайший
мой друг,

Каждый вечер дарящий мне круг
Световой.
Вот идущие без перерыва часы.
Небольшая, но очень толковая вещь.
(Два часа пополудни!)

Далее!
Вот —
свежезданый том.
Запах запахов — краски волнующий
дух.

Тишины словно не было. Я позабыл
Одиночество.
Тысячи близких людей
Собираются в комнате темной моей.
Люди рабочего братства — в ушах.
Иногда

Лучших песен не слышал,
Чем песня труда.
Вы с открытой душой идете ко мне,
Я к вам также с открытой душой
приду.

Вы живете со мной.
Я останусь у вас.
Люди, слышите?
Это же я, ваш родной
Брат!
Я с вами, о люди, — всегда и сейчас.

Перевел с литовского
Борис СЛУДЖИНИ

Миссия огромна... Здесь без карты не обойтись, и туристы из ФРГ это поняли сразу, едва начав свое путешествие по городу. Фото Г. Табачкина

ТЕПЛЫЕ ветры долго плауали в дальних краях и только ко второй половине апреля...

сверкови, даже эти зятя и невестки в нескрываемом чувством гордости называют себя Позументицковыми...

Что же заботит? Много, скорее — все: и чем одарит отличников-вуков, и как украсить проспект Воронцова...

И хотя больше никто из семьи Позументицковых так не высказывался, я понял, что восьмой зять выразил общее мнение...

Пятнадцать детей у Екатерины Викентьевны — десять дочерей и пять сыновей. Двадцать лет назад она овдовела...

Разговаривая беседой. И вдруг, отвлекшись от того, что находился в семейном доме, начинаешь понимать...

Было до слез радостно, когда Виктор, внук, унаследовавший имя деда, подарил мне «статистический отчет»...

Это не пустое обещание, не красное слово. Подрастает школьники, и для всех Позументицковых...

Дети Екатерины Викентьевны: Виктория — инженер-экономист, Екатерина — преподаватель музыки...

Семьдесят шестую весну встречает мать-земля. И, если так можно сказать, в эту весну она производит...

ЗА ТРИДЕЦАТЬ снегов, в тридцать сатом ледяном царстве, на берегу Ангары живут мужественные люди...

Анатолий ПРИСТАВКИН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Попутно на дороге обследовал большую полынью, из-за которой не шли машины. Когда обходил, случайно подполз под собой лед...

Несчастный случай

Они поехали в Нижне-Илимск, Алексей Иванович беспояно, что в экспедиции не существует...

Все — первое

Двадцатидеятю марта у главного геолога Невонской экспедиции Голубова был день рождения...

Молоков

Молоков и Болотина, Лев Александрович Молоков, который ехал сюда из Гидлаза...

Чекункова

Карачанка — маленькая деревушка, но двадцать лет назад...

Кубанцы не живут без нового

В Москве, в Государственной комиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур...

Вулкан-Кладовая

Когда речь заходит о вулканах, то вспоминаются первую очередь гильфы Помпеи и Геркуланума...

Крылатые строители

В нашей стране, — рассказал корреспондент «Литературной газеты» член коллегии, председатель Технического совета Главного управления газовой промышленности...

Кубанцы не живут без нового

В Москве, в Государственной комиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур, нам посоветовали связаться с одним из сортоиспытательных участков Краснодарского края...

Вулкан-Кладовая

Когда речь заходит о вулканах, то вспоминаются первую очередь гильфы Помпеи и Геркуланума, извержения Кракатау, трагедия города Сан-Пиер на Мартинике...

Вулкан-Кладовая

Восемьдесят шестую весну встречает мать-земля. И, если так можно сказать, в эту весну она производит...

Крылатые строители

В нашей стране, — рассказал корреспондент «Литературной газеты» член коллегии, председатель Технического совета Главного управления газовой промышленности...

Кубанцы не живут без нового

В Москве, в Государственной комиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур, нам посоветовали связаться с одним из сортоиспытательных участков Краснодарского края...

Вулкан-Кладовая

Когда речь заходит о вулканах, то вспоминаются первую очередь гильфы Помпеи и Геркуланума, извержения Кракатау, трагедия города Сан-Пиер на Мартинике...

Вулкан-Кладовая

Восемьдесят шестую весну встречает мать-земля. И, если так можно сказать, в эту весну она производит...

Мы уже со-общали нашим читателям крупнейшем событии нынешнего, 1960 литературного года: поэт Александр Твардовский закончил поэмю «За далью—даль». Сегодня мы публикуем заключительную главу поэмы. Новые главы поэмы «За далью—даль» печатаются в майской книжке журнала «Новый мир».

ЗА ДАЛЬЮ—ДАЛЬ

Читатель, снизу или сверху
Ты за мной следил строгий,
Ты тоже — всякий на поверку,
Бываешь — мало ли какой.

Да, ты и лучший друг надежный,
Наставник строгий и отец,
Но ты и листец неосторожный,
И вредный, к случаю, краснец.

И крайним слабостям потатчи,
И на расправу больно скор.
И сам начепок и цитатчик,
И не судья, а прокурор.

Ведь бкой твой был бессонный,
Когда вдобавок ко всему
Еще и книжкой пенсионной
Ты обладаешь на дому.

Не одному бюро погоды
Снешешь ты выпать поскорей,
Хоть на почтовые расходы
Идет поленился твой.

Добра желанчи поэту,
Наставник пробуй меня,
Ты пишешь письма в «Литгазету»,
Для «Правды» копии храни.

Ты привнеси мой труд и отдых
К научной норме ровнорыб:
О вредных творчеству доходах
Можь в инстанциях строгих.

Иль вдруг обаятый жаром новым,
Ты порываешь мне всерьез —
За час как-нибудь с Хрущевым
Продвинуть некий твой вопрос...

И то не все. Замечу кстати:
Опасней нет болезни той,
Когда, по скромности, читатель,
Ты про себя, в душе, — писатель,
Безветный миру Лев Толстой.

Ох, вы, мол, тоже мне, писачки,
Вот недосуд за стол засекать...
Да, и такой ты есть и всякий,
Но счастливы я, что ты, брат, ест!

Не запрална, не стал дитяти,
Что наша маменька-печать
Ласкает, тешась: — Ах, читатель,
Ах, как ты вырос — не достать!

Сама насет тебя тревожно
(И утешить могла б тобой):
— Ах, то-то нужно, то-то можно,
А то-то вредно для тебя...

Ты жив-здоров — и слава богу,
И уговор не на словах:
В любую дальнюю дорогу
На равных следовать правам...

Ты поминяш, я свой план невнятный
Представил с первого столба:
Прочти хотя б до половины,
Авось прочтешь и до конца.

Прочел по совести. И что же:
Ты книгу медленно закрыв,
Вздыхнул, задумался, положе,
Ву дох. А что я говорю?

Прости, что шутка на помине,
Когда всерьез не передать,
Как нелегко и эту ныне
Мне покидать свою тетрадь.

Не то чтоб жалю, но как-то дико,
Хоть этот миг — желанный миг:
Была тетрадь — и стала книга
И унеслась дорогой книг.

Уже не кинешся вадонку
За ней во все ее края...
Так дочка дома — все девчонка,
Вдруг — дочь. Твоя и не твоя.

Скорбеть о том не много проку,
Что визок детям отчий кров.
Иное дело, с чем в дороге
Ты проведешь родную кровь.

И мне уже не возвратится
Назад, в покинутый предел,
К моей строкке или странице,
Что лучше б мог, как говорится,
Да не сумел. Иль не посмел.

Тем преимуществом особым
При жизни автор наделен:
Все слышит сам, но, как за гробом,
Уже сказать не может он.

Какой бы ни был суд неслетный...
Но если вправду он живой,
Он в новый замысел безветный
Уже уходит с головой.

И распространишь с этой далью,
Что подуржила нас в пути,
По счастью, к новому свиданью
Уже готовилось я. Учи!

Конца пути мы вместе ждали,
Но прохладиться недосуд,
Итак, прощай. До новой дали,
До скорой встречи, старый друг!

1949—1960 гг.

РЕЖИССЕР Алек-сандр Петрович Довженко носил с собой маленькую записную книжку. Иногда он вынимал ее, переписывал в нее строчки короткого — в одно-два слова — записки, начиная, не торопясь, рассказывать историю, связанную с этой запиской.

Записки эти были понятны только самому Довженко и выглядели примерно так: «Народная медицина», «Лейтенант Славя», «Поездка в Батурин».

Я знал нескольких великодушных рассказчиков, в том числе Алексея Николаевича Толстого, Вадима Корнея Ивановича Чуковского, Сергея Бундучева, Довженко. У каждого была своя тайна рассказа, свой секрет. Был он и у Довженко.

Если бы мы родились древними валинами и верили в существование десятой муз, «устного рассказа», то эта муза, безусловно, была бы в полном подчинении у Довженко и сама, притворив рот от восхище-ния, слушала бы его истории.

Талант рассказывания, по-моему, — один из самых редких и завидных. Словно и рядом человек, талантливо пишущий, не может рассказывать на словах о написанном с такой же живостью и блеском, как в своей прозе.

Довженко был человеком несамозанятым и любил всем до света. Его интересовали такие далекие друг от друга вещи, как лучший способ штукатурки стен и межпланетные полеты, новая сельская архитектура и сроки прорастания семян.

Он любил волю бродить по земле и в это время с какой-то пронзительной зоркостью замечал во много раз больше, чем замечаем мы, торопливые и озабоченные люди.

Необычайно талантливый, он любил любую талант и умение, — хотя бы умение вести тяжелой комбайн или казнить воздушных змеев.

В чем же была секрет его рассказов? Если сказать, что в них было нечто голговерское, то это было бы только частью правды. Главный секрет их был в народности, в полной оочарованности самого рассказчика своей страной, Украиной. Поэзия Украины — магия из его уст — свободна, широка, то грустна, то весела, и золотиста, как летнее утро на его любимой светлой Десне.

Я помню несколько устных рассказов Довженко. Но годы идут, пропало затянута легким туманом и может растаять в нем совершенно. Поэтому я решил при помощи прозы восстановить в памяти хотя бы один такой рассказ.

Натолкнул меня на эту мысль покойный режиссер Сергей Дмитриевич Васильев.

Но проза — величайший жанр литературы — все же бессильна передать интонацию, рассказчика, добрый смех, спрятанный в уголках его глаз, его язык, легкое и органически объединяющий два живописнейших языка — русский и украинский, внезапные переходы от одного языка к другому, наконец, его собственную радость из каждого указанного рассказа.

Один из рассказов Довженко назывался «Народная медицина». Я слышал его всего раз, поэтому передаю его без того богатства красок, какими он сверкал, был в глазах, пролетел мимо взвизгнувших женщин, лихо затормозил в сантиметре от крыльца. Задние пассажиры навалились на Любу, Люба уперлась в передних. Прямо над перилами замер парующий радиатор.

Люба видела: на ступеньках стояли встречавшие. Они, едва узнав ее, уже не в родственных... Четкие, как в объективе, они словно застыли на крыльце. Отец, Василий, — желтокожий, с крошечными, точно у сомина, глазами, был выбит и свежо подстрижен в парикмахерской, на подборке — медали «За оборону Кавказа», «За победу над Германией». Здоровенными, неловкими в таких делах руками он напряженно держал поднос, уставленный палитрами доверку рюмками водки.

Мать Василия, в летнем в цветочном платье, с потным, несмотря на мороз, лицом — видно, только от печки, — стояла рядом. Здесь же, в пионерских галстуках и начиненных ботинках, круглолобые, коренастые Гришка и Ленка — младшие братья Василия, и с ними Любуна тетка Лизавета.

Позади, явившись со своей старухой — дед Василий, отец хозяина дома, Лавр Кузьмич Фрянков, на ореховой, зеркально отполированной ноге собственной искусной работы. Родоначальник крижастой породы Фрянковых, Лавр Кузьмич тоже смуглый и ширококостен, но сухонкий, низкорослый, бойкий, как малец.

Люба знала: Лавр Кузьмич — специалист на все руки: и вальцовщик, и умельщик, и столяр, а главное — прибошачник, умевший при случае говорить в рифму. От него на людях всегда ждал шуток, и он, строя от нетерпения показать себя, стоял будто весь на пружинах. Реденькие усы — гвоздичками вверх, на вороте гимнастерки — сверкающий неотряхнутый нафталин.

— Эх, — слышит Люба, как говорит он бабке, — Васюка-то подкатил, как маршал!
— Чего? — переспрашивает та.
— Васюка, говорю, как маршал!
— А?
— Черт тебе ухи замал! — ловко ударяя на рифму, рыкает Лавр Кузьмич. — Хоть громом по ее перепонке бей!

Гости прыскают, нарушая строгость церемонии. Отец Василия досадливо оборачивается: — Вы бы грошки потерпели, папаша...
Любу и Василия вели к крыльцу. Руководил этим опытный «шляфер» Мишка Музыченко, (Черный с ясными пуговицами бушлат военного Черноморского флота, на рукаве негнущаясь вафельное полотенце, через плечо аккордеон.) Не только «шляфер» на свадьбе, но и шофер полтукора, он оставил мотор невы-

Новости ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА ПОЭМЫ АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО * НОВЫЙ РАССКАЗ КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО * ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА ВЛАДИМИРА ФОМЕНКО * ПО ЗАЛАМ ВЫСТАВКИ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» * БОЕВЫЕ ПЕВЦЫ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Рассказ о народной медицине

затянулось облаками и пошел серый и тихий дождь. Такие дожди обладают очень упрямим характером и могут шуршать по асфальту и барабанить по крышам бесконечно долго.

Съемку пришлось прекратить, спрятаться в кауно и ждать там, пока дождь не пройдет и, может быть, опять появится солнце.

И вот в кауно зашла разговор о народной медицине, о всечских «средствах» от всечских болезней, о знаменитых бабках — лекарях и ворожеях, знающих все на свете, — как избавить доброго человека от стригуны и как заворжить любую красавицу.

Разговор шел общий и шумный. Только один красноармеец-сверхсрочник сидел на земляном полу, покуривал и насмешливо слушал этот разговор, не желая в нем участвовать. Время от времени он даже презрительно смеялся.

Наконец, красноармеец не выдержал. Он потянул сидевшего с ним рядом Довженко за рукав и сказал:

— А я, товарищ режиссер, в ту народную медицину не верю.

— Чего ж так? — спросил Довженко.

— Да было у меня в жизни такая история с той народной медициной, что произошла она со всеми своими ворожеями к быстрой бабушке. Наслу я ноги унес. Вы, товарищ режиссер, так разговариваете не слушаете, хай они брешут, что им угодно. Вы мне выслаушайте.

Было то же время, как называемой «гражданки», а по-правильному, во времена гражданской войны. Сами знаете, что делалось тогда на Украине. Что ни село, то своя республика, а что ни республика, то свой батько-атаман. Бандиго, конечно, стопроцентные, а все равно старались как-то украсить свое поганое существование. Даже провинция себе выдумывала заманчивые, чтобы заинтересовать, а то и пугнуть людей. Не поверите, какие были фамилии! У нас тут пановали атаманом Перелая-Смерть и Дзиндигер.

Дал. Была я в ту пору хлопеч лет шестнадцати, смиренный хлопеч и очень пристрастный до музыки, до гармонии. Мой старший брат был первый гармонист на все села округом. Из-за той гармонии он и вмиг в «гражданку», — а то было давно те бандиты его конукали с ходу, без размышления.

Охота у меня была играть не хуже брата. Батько купил мне гармонь, а тут такая беда — не работает мой пальцы на музыку. Сила в пальцах есть, а вот — как же — мелодии никак не получается. Брат говорит: «Слуху у тебя нет». А сестренка, такая была цыганка наместница, так та говорит: «Комар тебе в ухо залезет и там прижмется». А я просто плачу. И по селу уже все надо мной шуток, смеются, и деловито прискакивает в фаругу. Очень я мушкетер был, бывало, в лес, за реку и там старался играть. Так потом батько запретило, худбалася, бандитом прискакивает до нашего села своим воем на той гармонии, как камень-магнит уголку. Они тревожились через те звуки, аяканты и на нас свой страх обязательно выместят. И я порублю твою гармонь секатором.

Бабка у меня была жалобная, добрая старуха. Вот она и подбала меня. «Ты, — говорит, — иди до ворожки, до старой Фе-

доси, она превзошла всю народную медицину и от всякой беды что-нибудь да посоветует». Ну, я и пошел.

А у нас за селом — болото на целый километр. И через то болото в самом топком месте построил мост. От войны и старости тот мост стоял совсем раздолбанный. Все доски на нем трещали, а в иной раз и проламывались. Горь, а не мост!

Да, так та проклятая бабка Федосья говорит мне: «Иди, как стемнеет, к тебе, залезь под нег в гармонью своей, выбери место, где посуше, и сиди, дожидайся».

— Чего дожидаться? — спрашиваю, а сам дрожу. Чую, что страшное она мне скажет.

— Ты не трусь, хлопеч, — говорит бабка. — Сядь себе под мостом и сиди. Хоть час, хоть два, хоть три. А посередь ночи услышишь як шось загулит. То означает, что приближается до места нечистая сила. Тогда возьми гармонь в руки и жди тихо. А как та нечистая сила загулит прямо у тебя над головой, ты рвани гармонь, и она сама заиграет. И с той поры ты будешь играть краше, чем твой брат-гармонист.

Я ее спрашиваю:

— А что она заиграет, гармонь?

— Чего нечистой силе, жекать, то она и заиграет. Моет: «Гоп, куме, не журись, туди-сюди повернись». А может «Гей, вы хлопеч-баламуты!» Я этого знать не могу. Или, а утром вдобавок к сегодняшнему принеси мне еще три жмени сахара.

Ну, я и пошел. Сидю под мостом. Вода у меня в постелах, холодная такая вода, кислая, и вроде бредит меня трясучка, — со страху или от горькой моей надежды, что вот-вот заиграю я на всю Украину, а дичатка будут ходить за мной табормом, танцевать под мою музыку, да петь великие песни про времена заповорские.

А кругом с болота дух острый, — не то болотный пахнет, не то водяным пердем.

Лду, ноги замалеи. Вдруг чую, с далека приближается нечистая сила. Гудит, гуркочит, вроде переставит. И все село сразу припнилась, стихла. Даже собаки не брешут.

Я трясусь, жду своего часа. А как затрещало мне и гулом меня прямо по ще стучнуло, я возмья и рстиян гармонь, как бабка велела. На свою голову, товарищ режиссер, растянул, на один волосок был от гибели.

Над головой у меня як треснуло, як посыпалась гнилые доски от моста, як что-то со всей силой ухнуло в болото и там забилась, захрипела дурным голосом, как меня всего смазало грязью — тут я, конечно, изпод моста вылетел, як скажанный, схватил гармонь и шарью к своему селу.

А сзади кричат на меня, да так страшно, что темнеет в глазах. Самы кричат: «Той, бандитская морда! Стой, ворог, чтоб тебе стинуть в том болоте!»

Так мало того, что кричат, еще и бьют по мне из обрезов частым огнем.

А я, значит, чему по болоту, и одна у меня думка, что мот тенька, как глоток, и никто меня увидеть не может. Стреляют в ночь, как в копейку, по невнятной цели. Самая это пустая стрельба. Гармонь я, между прочим, не бросаю. Тешу за собой за ремень. Забыл, что на болоте копки да мелкий кустарник. Гармонь, значит, зацепится за копку, да как рхнет, вроде как вскрикнет на все болото: «Ратуйте, хлопцы!». А те с моста — невидимые для меня люди — по-

тому рыпу от гармонь бьют и кричат: «Хрен увидишь, зарава!»

Потом выяснилось, — ехали ночью на танчане с пулеметом через тот мост хлопцы атамана Дзиндигера. Я как растянул гармонь, кони переляклись, понесли, сорвались в болото, — мост у нас неогороженный, заблудил в болоте завалил. Только к утру те парни вытащили коней и пулемет.

А я к тому времени уже уже далеко, за сорок километров, и курене у леда. Так, думаете, этим все и кончилось? Э-э, нет! Нет и нет! Будь она неалда та ворожка. Долет я до своего села, как ветер. А у нас при хате, как водится, садочек яблоневый и вишневый. И для подкормки тех яблонь и вишен мама моя покойная еще с осени заготовляла зому-удобрение да сыпала ее в глубокую яму. А поток ту яму прикрыл валом соломы, чтобы вода не мокала.

Вы слышите, это имеет значение! Чешу я, значит, до дому, а мой батько услышала палбу на болоте, схопила друтовку с дробью и выскочила до сада, — в такой суматохе, знаете, мальчишки воспользуются, враз весь сад обнесут.

Выскачил батько и видит: несется прямо до нашего сада фигура, не поймешь что, — ли леша, или сам черт.

Батько, конечно, приохлился и бахнул по мне разом из двух стволов. Однако промахнулся. Только плечо мне чуть повредило.

А я вижу, — выстрела бабка, ударило огнем и дымом, и в тот же момент батько мой провалился сквозь землю, и над тем местом, где он пропал, выросло белое-белое прельбей дым.

Я закричал, вроде сомела со страху, упал на землю. Думаю, — как мне, смерти! Батько в ад, что ли, свернулся, а я лежу раненый. И тут эта подлая гармонь вдруг так тоненько, так демакато выпускает свой последний дух со звоном. Я прямо встал, схватил ее и брякнул об землю. И ни капли потом не жалел. Да-а, вот такая история!

— А что же случилось с батькой?

— Тожэ, скажу я вам, история с географией! Батько как кинулся к пацетно, так наскок на яму с болота, провалился, конечно, и выбыл тот злоб белый вода выше латки. Мьяя его, чистила, едва отскрибал. Три дня капала водой и обещалась выломать здоровый дрючок из пацетия и меня выпороть. А мне — шестнадцать лет. Разве мыслямо пороть! К тому же мама мой тут же меня отправила к деду на случай, если бандиты станут расследовать дело и меня искать. Вот какая, как видите, была волянка, товарищ режиссер. С тех пор я, понятно, не верю в народную медицину. Нипочем не верю. Затригую это для мозгов, а не для медицины.

Появилось солнце. Над соломенными крышами тотчас же начал завывать пар. Возобновила съемка.

«Гей, вы хлопеч-баламуты!» Красноармеец, рассказавший историю про народную медицину, последний раз затянулся и сказал:

— Так я и не осмела гармонью. А как бы она, так такую чепуху, как «Баламуты», ни за что бы не играя!

— А что бы вы играли?

— Дивляюсь я на него, тай думку гадаю, — отвечает красноармеец. — Ну, прощайте пока, товарищ режиссер.

Вл. ФОМЕНКО

Владимир Фоменко, которого читатель знает как автора рассказов и очерков, работает сейчас над большим произведением, — он пишет роман. Если прежде его интересовала только жизнь колхозной деревни, то теперь он расширяет круги своих наблюдений: герои его новой книги — рабочие и колхозники, партийные и советские работники, интеллигенты.

Сегодня мы публикуем отрывок из этого романа.

В ДЕКАБРЕ 1950 года в хуторе Коре-новском гуляли свадьбы. Еще не вышедшие и потому чинные гости стояли в кузове мчащейся полтукоры держа украшенные бумажными розами чеперти с вином, невестину зеленую полтукору, патефон и тирюмо, в котором, будто на экране, когда врется лента, мелькали то глаза и носы едущих, то вдруг далекое небо с змимым солнцем, окошко, вылетающие из дворов собаки.

Невесту — беленькую, русоволосую Любу Черских — отпустили от жениха, она стояла между чьими-то плечами и, стараясь держаться весело, смотрела на незнакомые лица. Хоть и родилась здесь, она была чужой в хуторе. С детства жила в районной станции, кончала там десятилетку, потом техникум, оставалась в райцентре даже на каникулы, зарабатывая себе на одежду, а своей единственной родственнице, болезненной тетке Лизавете, на прожитие.

В станции же познакомилась с Василием Фрянковым. Случайно была с ним в кино, а год назад, когда он вдруг прислал ей с военной службы письмо и фотокарточку, стала отвечать, все больше думать о нем. Люба много читала, знала, что в мире существует любовь — чудесное вселивное чувство, такое, как у Веры Павловой из «Что делать?». Черный женишок, как у Вали Борзи из «Молодой гвардии». С того дня, как она получила письмо и фотографию воина в шинели и в пилотке, она на вечерах в техникуме отказывала ребятам в танцах, ходила с необыкновенным ощущением, что на свете есть человек, который живет для нее и для которого живет она... Сейчас ей хотелось протиснуться ближе к Василию, улыбнуться ему или — еще лучше — чтобы он сам улыбнулся ей, но ее зажимали, в грудь ей больно упирался острый локоть, а в плечо — повязанная лентой бутель водки.

Жених — Василий Фрянков, крупный и румяный, с крупными квадратной формы скулами, стоял впереди, возле кабины. Полтукора было его родней, вино, надавленное с осени в каждом дворе, не все еще было попито, и народ, радий случаю погулять, справлял свадьбы пышно. Любе свадебная суматоха была и радостна, и совершенно непонятна. Как это вдруг из-за них двоих все едут по хутору и громко — прямо на улице! — говорят о том, что всегда было только лишь ихним — ее и Василия, о чем Люба ни за что не ре-

Три свидетеля

шались поверять даже самой близкой подруге. Снег на горбыле улицы, возле углового дома Фрянковых, был слут до земли. Грузовик, треща скатами по смерзшимся колеям, на всем газу пролетел мимо взвизгнувших женщин, лихо затормозил в сантиметре от крыльца. Задние пассажиры навалились на Любу, Люба уперлась в передних. Прямо над перилами замер парующий радиатор.

Люба видела: на ступеньках стояли встречавшие. Они, едва узнав ее, уже не в родственных... Четкие, как в объективе, они словно застыли на крыльце. Отец, Василий, — желтокожий, с крошечными, точно у сомина, глазами, был выбит и свежо подстрижен в парикмахерской, на подборке — медали «За оборону Кавказа», «За победу над Германией». Здоровенными, неловкими в таких делах руками он напряженно держал поднос, уставленный палитрами доверку рюмками водки.

Мать Василия, в летнем в цветочном платье, с потным, несмотря на мороз, лицом — видно, только от печки, — стояла рядом. Здесь же, в пионерских галстуках и начиненных ботинках, круглолобые, коренастые Гришка и Ленка — младшие братья Василия, и с ними Любуна тетка Лизавета.

Позади, явившись со своей старухой — дед Василий, отец хозяина дома, Лавр Кузьмич Фрянков, на ореховой, зеркально отполированной ноге собственной искусной работы. Родоначальник крижастой породы Фрянковых, Лавр Кузьмич тоже смуглый и ширококостен, но сухонкий, низкорослый, бойкий, как малец.

Люба знала: Лавр Кузьмич — специалист на все руки: и вальцовщик, и умельщик, и столяр, а главное — прибошачник, умевший при случае говорить в рифму. От него на людях всегда ждал шуток, и он, строя от нетерпения показать себя, стоял будто весь на пружинах. Реденькие усы — гвоздичками вверх, на вороте гимнастерки — сверкающий неотряхнутый нафталин.

— Эх, — слышит Люба, как говорит он бабке, — Васюка-то подкатил, как маршал!
— Чего? — переспрашивает та.
— Васюка, говорю, как маршал!
— А?
— Черт тебе ухи замал! — ловко ударяя на рифму, рыкает Лавр Кузьмич. — Хоть громом по ее перепонке бей!

Гости прыскают, нарушая строгость церемонии. Отец Василия досадливо оборачивается: — Вы бы грошки потерпели, папаша...
Любу и Василия вели к крыльцу. Руководил этим опытный «шляфер» Мишка Музыченко, (Черный с ясными пуговицами бушлат военного Черноморского флота, на рукаве негнущаясь вафельное полотенце, через плечо аккордеон.) Не только «шляфер» на свадьбе, но и шофер полтукора, он оставил мотор невы-

ключенным, — бросал на ходу помощнику: — Пеца! Как зайдём, отгонись машину в гараж. На котях!

«Безусловно, так на свадьбе и полагаются», — думала Люба, поглядывая на Василия. Василий — копия отец. Те же скулы, те же крупные руки и плечи, только глаза большие, выразительные. Он в армейской ушанке с не снятой еще звездой, но уже в бобринском пальто, в желтых, только что из сельхозцеха, туфлях. Не освоив еще роли становящегося на семилетнюю тропу человека, он глумовато, будто извиняясь за свое женатое положение, худбалася товарищам, что строили ему из толпы рожки и кричали: «Дуй, Вася, до горы!», «Не бойсь, Вася!»

Любе стало обидно, неловко за Василия, и она подняла голову как можно выше. Колдушок на ней приношенный, пятна, старательно оттертые бензином, лишь подкверкали ветхость, но зато Люба знала, что это ненадежные боты, купленные еще на стипендию, сверкают; что стройные девичьи ноги обнуты модными прозрачными чулками, — заранее продуманными, присмотренными, еще с осени привезенными из Ростова. И это придавало ей силы.

Фрянков водочным подносом загромождал ей и Василию дорогу, говорил сиплым от родительской расторопности, от торжественности минуты голосом: — Ну, выпейте, значит, за порядок в дому. За совет, семейную любовь, — заплакала Фряничка.

— Чоб Люба народила деточек: мальчиков, девочек, — подсказывал Мишка Музыченко, играя на публику всей своей длинной, как живая жердь, фигурой, большегубым, крупнозубым лицом.

— Давай ей, Люба, — уже как свою подбадривали замужние женщины, — теперь все одно, считай уже не барышня...
Люба, подчинившись всему, глянула, как Василий берет с подноса рюмку, взяла свою и выпила. Из машины понесли ее приданое.

Сестрица, подружки, Верити падуши, — затянута соседка Фрянковых Мария Зеленская уже пьяным голосом, хотя еще только предвидела выпивку. Бумажная красная роза, такая же, как на четвертьях с вином, как на грузовике, на пробке радиатора, была в ее волосах, прикрытых на затылке кокетливо наброшенным шарфом.

Сестрица Арины, Верити перны, — Давай ей, Люба, — на ледочек не лейтя. Ледочек растает. Нашей девочки не стамить... Зеленская притоптывала, разводиля над горючей руки и в знак того, что гулянка уже на-

чалась, подмигнула Фряничке, полезла целовать Фрянкову. Из миски, в которой выносили гусам корм, на головы Любы и Василия сыпнулись желто-стеклянными зёрнами кукурузы. Патефон в растворенных дверях заиграл марш Дунаевского, и гости, обивая сапоги ошметком венника, докуривая, нарочито задерживались, чтоб не показать друг перед другом пошлости, двинулись в сени. Люба уже несколько раз захлопала сюда, но впервые молодой хозяйкой... В райцентре, где она училась, дома были такие же, но это в ее душе отличалось от всех, казался необыкновенным, потому что здесь жил Василий.

Дом Фрянковых, как большинство хуторских домов, — на две половины. Первая от входа — черная, а следующая за ней, именуемая на Дону «златом», — парадная. В каждой половине, предназначенной для стирания и в каждой дневной жизни, хранился плотничий и сапожный инструмент, на стене висел недопеленный бредень, койки — под простыми солдатскими одеялами, для сидения — табуретки. Зал, как сверкающее небо от земли, отличался от черной. В зале — гнутые венские стулья, крахмальные стаеточки, комод, вскрытый ланом, украшенный вазами; на подоконниках фикусы, варварин цвет и под перевернутыми стаканами отводки пандауса. Деревянные полочки крашены светлым маслом, пересечены во всю длину опорным брусом, отчего зал всегда напоминал Любе каюту парохода. На стенах, почти до потолка, непрерывные в каждом казачьем доме фотографии. Люба уже знала, в ряду краснозвездных, застывших с шапками ребят, отец Василия; где его родные, двоюродные и четвероуродные дядья; где, снятый еще на Четвертую, в бравой папаше и с пыльными усами на молодом лице, дед Лавр Кузьмич. Среди галереи воинов картонка Василия, — такая же, как полученная Любой в первом письме.

Одежду вешать некуда, наваливали на сундук к стенке, облепленной

В РОДСТВЕ С ГРЯДУЩИМ

У ЭТОЙ книги героическое прошлое, славное настоящее и бесмертное будущее. Среди ее авторов мы находим выдающихся деятелей Великой Октябрьской социалистической революции и рядовых ее участников, известных поэтов и рабочих авторов, чьи горячие, душевные строки извлечены из неслыханных революционных изданий.

Составитель и автор предисловия к книге А. Дамский пишет: «Эта поэзия внесла в литературу новые темы и образы, запечатлев в своих произведениях жизнь и борьбу русского пролетариата, ставшего во главе всенародного освободительного движения в России и проложившего путь к торжеству социализма».

Вдохновенная идея пролетарского интернационализма, революционная поэзия, как яркое замечательное явление, переносилась из страны в страну.

Так, волевым переводом пролетарского гимна, созданного парижским коммунистом Э. Потье, стал гимном российского пролетариата, гимном международного революционного социалистического движения, гимном Коммунистической партии Советского Союза — «Интернационал»!

А разве не примечательна судьба опубликованной в книге песни умершего от туберкулеза в 1900 году в смысле революционер-марксиста А. Радина «Смело, товарищи, в ногу!»

Песня, завшая к массовому революционному подвигу, была написана в 1897 году в одиночке московской тюрьмы на Таганке. И хотя мажорный унылый тон все написанное, оно песню, расправившую крылья над миром, враги не смогли убить. Она была переведена на многие языки, она стала любимой песней героев гражданской войны, песней интернациональных бригад в Испании и немецких антифашистов.

На Третьем съезде писателей СССР Н. С. Хренцов в своей речи вспомнил простые, обращенные к революционному поколению строки друга своей молодости Пантелея Махнина. В сборнике «Революционная поэзия» опубликованы многие произведения таких первых литераторов русского рабочего класса, мечтавших «гореть и не сгорать» во имя служения народу и торжества коммунистических идей.

«Мы кузнецы, и дух наш молод куем мы к счастью ключи!» — эти строки прочитаны в 1900 году в смысле революционер-марксиста А. Радина «Смело, товарищи, в ногу!»

«Библиотека поэта». «Советский писатель».

КОНЕЧНО.

это праздник: конечно, это большое событие. Столько любви и таланта, энтузиазма и веры в свое реалистическое искусство! Столько желания донести до нашего народа то заветное, то дорогое, что нашел, увидел, подметил в замечательной, бурной, кипучей и целеустремленной жизни художника!

Ужасно, когда по выставке ходят скачущие люди, изредка задерживаясь у понравившихся им картин. А здесь... Лавина людей ежедневно устремляется на Манежную площадь, к входу Центрального выставочного зала. Это люди, горячо заинтересованные в судьбах нашего искусства, требовательные, радующиеся и негодующие Манеж гудит, замысленные экскурсоводы не могут совладать с неумными зрителем, который четко и громко выражает свое мнение, спорит, горячится, доказывает.

И это самое отрадное для нас, художников! Тот большой интерес, который проявляют к выставке широкие массы зрителей, свидетельствует о том, что народ остро реагирует на наше творчество, правильно подмечает все новое, талантливейшее, справедливо критикует недостатки: суровость, мелкотемье, штампованные образы — все то, от чего стремится уйти наш художник. Может быть, в какой-то мере эти трюхи еще и есть на выставке, но не от них сегодня хочется говорить.

Когда идешь по залам выставки и внимательно знакомишься с живописными произведениями, то перед взором как бы проходит своеобразная панорама жизни новой России: ее историческое прошлое, мирное строительство в самые различные уголки нашей великой Родины быт людей — их радости и печали, надежды и свершения.

На выставке есть необычайные контрасты — очень разные живописные произведения, различные по стилю и творческим индивидуальностям художников. Эти картины висят рядом, но они не проигрывают од другой. Например, «Шахтер» ленинградца М. Труфанова — крупная, темная по слуху, контрастная фигура, очень убедительная по своей жанровой трактовке, и рядом — картина Г. Андреева «Тихий час» — среди березок в летний день спят дети — сделанная в другой, лирической манере, в светлом воздушном колорите. Но эти две картины, каждая по-своему, раскрывают какие-то новые грани нашей современности.

И многочисленные картины, рассказывающие о нашем современном человеке труда, так же решены в

МНОГО ХУДОЖНИКОВ ХОРОШИХ И РАЗНЫХ

различных жанрах и манерах. И очень отрадн, что у нас так много хороших художников и разных.

Совершенно различны по манере исполнения и психологическому раскрытию образов людей картины: В. Попова «Штурматоры» и А. Тимофеева «На дороге Сибири», Ю. Боско «Будни Сталинградской ГЭС» и В. Стожарова «Приезд на слет колхозников-переводов», Е. Гудина «Славянки» и Е. Рубина «Трактористы», П. Фаттахова «Сажные срубы» и Е. Рудова «Сельская свадьба», мозаика Ю. Нерпринцева «Метростроители» и Д. Свешникова «Два бригадира».

В каждой из этих картин мы узнаем правдивые черты советских людей — строителей коммунистического общества.

Начиная обзор огромной выставки, мы видим в ее начале монументальные произведения, рассчитанные на помпезный декоративный анализ Манежа. Внимание зрителей привлекает триптих «За свободу», посвященный Великой Октябрьской социалистической революции в городе и деревне. Художник А. Казанцев удачно нашел новые черты в раскрытии образа Владимира Ильича Ленина, хорошо передав тревожную напряженность первых дней революции и все события показал на интересном декоративном фоне. Однако в изображении рабочих и крестьян хотелось бы более глубокого раскрытия человеческих черт. Вид монументальности диктует большую выразительность и экспрессию (вспомним Микеланджело).

Именно выразительности и теплоты без парадности и торжественности отличают ряд групповых композиций. Среди картин, посвященных В. И. Ленину, привлекают внимание по своему колориту полотна В. Цыплакова «В. И. Ленин с крестьянами». В картине «Пионеры приветствуют XXI съезд КПСС» художник С. Дудин сумел ясно и правдиво передать всю теплоту события. Столь же тепло и тонко изображены делегаты съезда на картине Д. Обозненко и Я. Серова «В перерыве съезда».

Большинство живописных произведений на выставке выполнено в хороших традициях реалистической живописи. Здесь блеснул своим мастерством представитель трех поколений советских художников.

Замечательные портреты написаны москвичами Е. Ефановым, П. Корниным, Е. Кашманом, П. Сулаковым, А. Китаевым, Ю. Катзем, В. Нечитайло, В. Филимоновым, ленинградцем П. Бучкиным, ярославцем В. Непостевым, свердловчанин В. Ладейщиковым и В. Беляевым и многими другими художниками РСФСР. Конечно, не все они равны по своему художественному качеству, но основное их свойство — это стремление передать жизненно правдивые черты советских людей — рабочих, крестьян, деятелей науки, литературы и искусства. Один из наших крупнейших живописцев — Сергей Герасимов — представил три отличных портрета колхозниц: в этих портретах чувствуется кисть мастера, обладающего острым чутьем к современности. Замечательна по колориту картина Н. Новикова «В лодках», изображающая молодого А. М. Горького.

Среди картин, в которых наши художники стремились воплотить образы деятелей литературы, надо отметить выразительные портреты писателей С. Н. Сергеева-Щенского и Е. Поповкина работы П. Сулакова, жаровый портрет М. Пришвина работы А. Кириллова и большую композицию А. Яр-Кравченко и А. Зарубина «Ответственность на вас», изображающую А. М. Горького, беседующего с писателями. Эта работа перекликается с картиной А. Лактинова «Обеспеченная старость» (Ветераны русской сцены в доме ВТО им. А. А. Яблочниковой). Обе

эти картины — документы эпохи — знакомят нас с выдающимися деятелями советской культуры.

Надо признать, что около картины А. Лактинова всегда много зрителей. Здесь идут оживленные споры. Обычно принято перед его работами делать кистую гримасу, произнося при этом: «Конечно, мастерство... но ведь это границы с цветной фотографией!» Верно, мастерство у Лактинова большое, но оно направлено лишь на то, чтобы создать полную иллюзию жизни. Но ведь, кроме этого требования, художник должен ставить перед собой задачу раскрытия характеров, создания не только подлинности видимого, но и его красоты.

С Лактиновым трудно тягаться по части иллюзорности изображения. Но если иллюзорность является самоцелью, это у одних зрителей вызывает досаду, у других — нездоровый интерес. Да, есть у нас и такая публика, для которой в живописном произведении иллюзорность дороже всего. На Всесоюзной художественной выставке 1957 года около автопортрета Лактинова стояли толпы зрителей, возникли споры. Здесь можно было слышать разговоры о... стоимости драпа, из которого сито шапочки художника. И никто из спорящих не обращал внимания на очень сильно написанное лицо художника на портрете.

Нет, никакая даже самая замечательная цветная фотография не в состоянии соперничать с полнокровным живописным произведением, в котором художник сможет изобразить жизнь во всей ее полноте и реальности, когда иллюзия действительности будет передана подлинно художественными средствами.

Я так подробно остановился на картине Лактинова, чтобы поднять вопрос о подлинности современности реалистического стиля советского живописца. Искания нашей молодежи идут главным образом в направлении лаконизма и монументальности выражения образа современника. И здесь уместно вспомнить прошедшую недавно выставку московских художников, на которой был ряд очень сильных работ в этом плане. Напомню, к примеру, картину П. Никонова «Наши будни». Новые явления пришли в искусство. Великие гигантские строки коммунизма — изображаются художниками через трудности работ и дорог, через будни и повседневную напряженность труда, через образы простых людей. И жалко, что многие из этих работ московцев отсутствуют на всероссийской выставке. Их место заняли монументальные декоративные панно «манежных размеров», исполненные «манежной» живописью. (Этот термин имеет хождение в народе.) В грандиозных полотнах Манежа, чтобы не затеряться, надо работать в больших размерах и в особой грубовато-декоративной манере с резко очерченными, контрастными по фону силуэтами фигур и локальной закрашкой больших плоскостей... И все-таки лучшими и привлекающими внимание зрителя выставки являются те работы, которые созданы от души, от всего сердца, без ослепления ухищрений для того, чтобы выделиться и крикливо заявить о себе.

По моему мнению, самыми интересными на выставке безусловно являются картины Г. Коржева, В. Иванова, В. Гаврилова и ряда других художников молодого поколения. Три картины Г. Коржева — «Интернационал», «Поднявшийся знамя» и «Гомер» (Рабочая студия) — привлекают внимание зрителя подлинной человечностью. Коржев — художник-мыслитель, стремящийся раскрыть подлинную человеческие черты. К этой же плеяде одаренных художников надо отнести и В. Гаврилова — крупного живописца, автора полотна «За родную землю», суровой поэтической по-

сти картины — документ эпохи — знакомят нас с выдающимися деятелями советской культуры.

Надо признать, что около картины А. Лактинова всегда много зрителей. Здесь идут оживленные споры. Обычно принято перед его работами делать кистую гримасу, произнося при этом: «Конечно, мастерство... но ведь это границы с цветной фотографией!» Верно, мастерство у Лактинова большое, но оно направлено лишь на то, чтобы создать полную иллюзию жизни. Но ведь, кроме этого требования, художник должен ставить перед собой задачу раскрытия характеров, создания не только подлинности видимого, но и его красоты.

С Лактиновым трудно тягаться по части иллюзорности изображения. Но если иллюзорность является самоцелью, это у одних зрителей вызывает досаду, у других — нездоровый интерес. Да, есть у нас и такая публика, для которой в живописном произведении иллюзорность дороже всего. На Всесоюзной художественной выставке 1957 года около автопортрета Лактинова стояли толпы зрителей, возникли споры. Здесь можно было слышать разговоры о... стоимости драпа, из которого сито шапочки художника. И никто из спорящих не обращал внимания на очень сильно написанное лицо художника на портрете.

Нет, никакая даже самая замечательная цветная фотография не в состоянии соперничать с полнокровным живописным произведением, в котором художник сможет изобразить жизнь во всей ее полноте и реальности, когда иллюзия действительности будет передана подлинно художественными средствами.

Я так подробно остановился на картине Лактинова, чтобы поднять вопрос о подлинности современности реалистического стиля советского живописца. Искания нашей молодежи идут главным образом в направлении лаконизма и монументальности выражения образа современника. И здесь уместно вспомнить прошедшую недавно выставку московских художников, на которой был ряд очень сильных работ в этом плане. Напомню, к примеру, картину П. Никонова «Наши будни». Новые явления пришли в искусство. Великие гигантские строки коммунизма — изображаются художниками через трудности работ и дорог, через будни и повседневную напряженность труда, через образы простых людей. И жалко, что многие из этих работ московцев отсутствуют на всероссийской выставке. Их место заняли монументальные декоративные панно «манежных размеров», исполненные «манежной» живописью. (Этот термин имеет хождение в народе.) В грандиозных полотнах Манежа, чтобы не затеряться, надо работать в больших размерах и в особой грубовато-декоративной манере с резко очерченными, контрастными по фону силуэтами фигур и локальной закрашкой больших плоскостей... И все-таки лучшими и привлекающими внимание зрителя выставки являются те работы, которые созданы от души, от всего сердца, без ослепления ухищрений для того, чтобы выделиться и крикливо заявить о себе.

По моему мнению, самыми интересными на выставке безусловно являются картины Г. Коржева, В. Иванова, В. Гаврилова и ряда других художников молодого поколения. Три картины Г. Коржева — «Интернационал», «Поднявшийся знамя» и «Гомер» (Рабочая студия) — привлекают внимание зрителя подлинной человечностью. Коржев — художник-мыслитель, стремящийся раскрыть подлинную человеческие черты. К этой же плеяде одаренных художников надо отнести и В. Гаврилова — крупного живописца, автора полотна «За родную землю», суровой поэтической по-

сти картины — документ эпохи — знакомят нас с выдающимися деятелями советской культуры.

Надо признать, что около картины А. Лактинова всегда много зрителей. Здесь идут оживленные споры. Обычно принято перед его работами делать кистую гримасу, произнося при этом: «Конечно, мастерство... но ведь это границы с цветной фотографией!» Верно, мастерство у Лактинова большое, но оно направлено лишь на то, чтобы создать полную иллюзию жизни. Но ведь, кроме этого требования, художник должен ставить перед собой задачу раскрытия характеров, создания не только подлинности видимого, но и его красоты.

С Лактиновым трудно тягаться по части иллюзорности изображения. Но если иллюзорность является самоцелью, это у одних зрителей вызывает досаду, у других — нездоровый интерес. Да, есть у нас и такая публика, для которой в живописном произведении иллюзорность дороже всего. На Всесоюзной художественной выставке 1957 года около автопортрета Лактинова стояли толпы зрителей, возникли споры. Здесь можно было слышать разговоры о... стоимости драпа, из которого сито шапочки художника. И никто из спорящих не обращал внимания на очень сильно написанное лицо художника на портрете.

Нет, никакая даже самая замечательная цветная фотография не в состоянии соперничать с полнокровным живописным произведением, в котором художник сможет изобразить жизнь во всей ее полноте и реальности, когда иллюзия действительности будет передана подлинно художественными средствами.

Я так подробно остановился на картине Лактинова, чтобы поднять вопрос о подлинности современности реалистического стиля советского живописца. Искания нашей молодежи идут главным образом в направлении лаконизма и монументальности выражения образа современника. И здесь уместно вспомнить прошедшую недавно выставку московских художников, на которой был ряд очень сильных работ в этом плане. Напомню, к примеру, картину П. Никонова «Наши будни». Новые явления пришли в искусство. Великие гигантские строки коммунизма — изображаются художниками через трудности работ и дорог, через будни и повседневную напряженность труда, через образы простых людей. И жалко, что многие из этих работ московцев отсутствуют на всероссийской выставке. Их место заняли монументальные декоративные панно «манежных размеров», исполненные «манежной» живописью. (Этот термин имеет хождение в народе.) В грандиозных полотнах Манежа, чтобы не затеряться, надо работать в больших размерах и в особой грубовато-декоративной манере с резко очерченными, контрастными по фону силуэтами фигур и локальной закрашкой больших плоскостей... И все-таки лучшими и привлекающими внимание зрителя выставки являются те работы, которые созданы от души, от всего сердца, без ослепления ухищрений для того, чтобы выделиться и крикливо заявить о себе.

По моему мнению, самыми интересными на выставке безусловно являются картины Г. Коржева, В. Иванова, В. Гаврилова и ряда других художников молодого поколения. Три картины Г. Коржева — «Интернационал», «Поднявшийся знамя» и «Гомер» (Рабочая студия) — привлекают внимание зрителя подлинной человечностью. Коржев — художник-мыслитель, стремящийся раскрыть подлинную человеческие черты. К этой же плеяде одаренных художников надо отнести и В. Гаврилова — крупного живописца, автора полотна «За родную землю», суровой поэтической по-

сти картины — документ эпохи — знакомят нас с выдающимися деятелями советской культуры.

Надо признать, что около картины А. Лактинова всегда много зрителей. Здесь идут оживленные споры. Обычно принято перед его работами делать кистую гримасу, произнося при этом: «Конечно, мастерство... но ведь это границы с цветной фотографией!» Верно, мастерство у Лактинова большое, но оно направлено лишь на то, чтобы создать полную иллюзию жизни. Но ведь, кроме этого требования, художник должен ставить перед собой задачу раскрытия характеров, создания не только подлинности видимого, но и его красоты.

С Лактиновым трудно тягаться по части иллюзорности изображения. Но если иллюзорность является самоцелью, это у одних зрителей вызывает досаду, у других — нездоровый интерес. Да, есть у нас и такая публика, для которой в живописном произведении иллюзорность дороже всего. На Всесоюзной художественной выставке 1957 года около автопортрета Лактинова стояли толпы зрителей, возникли споры. Здесь можно было слышать разговоры о... стоимости драпа, из которого сито шапочки художника. И никто из спорящих не обращал внимания на очень сильно написанное лицо художника на портрете.

Нет, никакая даже самая замечательная цветная фотография не в состоянии соперничать с полнокровным живописным произведением, в котором художник сможет изобразить жизнь во всей ее полноте и реальности, когда иллюзия действительности будет передана подлинно художественными средствами.

Я так подробно остановился на картине Лактинова, чтобы поднять вопрос о подлинности современности реалистического стиля советского живописца. Искания нашей молодежи идут главным образом в направлении лаконизма и монументальности выражения образа современника. И здесь уместно вспомнить прошедшую недавно выставку московских художников, на которой был ряд очень сильных работ в этом плане. Напомню, к примеру, картину П. Никонова «Наши будни». Новые явления пришли в искусство. Великие гигантские строки коммунизма — изображаются художниками через трудности работ и дорог, через будни и повседневную напряженность труда, через образы простых людей. И жалко, что многие из этих работ московцев отсутствуют на всероссийской выставке. Их место заняли монументальные декоративные панно «манежных размеров», исполненные «манежной» живописью. (Этот термин имеет хождение в народе.) В грандиозных полотнах Манежа, чтобы не затеряться, надо работать в больших размерах и в особой грубовато-декоративной манере с резко очерченными, контрастными по фону силуэтами фигур и локальной закрашкой больших плоскостей... И все-таки лучшими и привлекающими внимание зрителя выставки являются те работы, которые созданы от души, от всего сердца, без ослепления ухищрений для того, чтобы выделиться и крикливо заявить о себе.

По моему мнению, самыми интересными на выставке безусловно являются картины Г. Коржева, В. Иванова, В. Гаврилова и ряда других художников молодого поколения. Три картины Г. Коржева — «Интернационал», «Поднявшийся знамя» и «Гомер» (Рабочая студия) — привлекают внимание зрителя подлинной человечностью. Коржев — художник-мыслитель, стремящийся раскрыть подлинную человеческие черты. К этой же плеяде одаренных художников надо отнести и В. Гаврилова — крупного живописца, автора полотна «За родную землю», суровой поэтической по-

сти картины — документ эпохи — знакомят нас с выдающимися деятелями советской культуры.

Надо признать, что около картины А. Лактинова всегда много зрителей. Здесь идут оживленные споры. Обычно принято перед его работами делать кистую гримасу, произнося при этом: «Конечно, мастерство... но ведь это границы с цветной фотографией!» Верно, мастерство у Лактинова большое, но оно направлено лишь на то, чтобы создать полную иллюзию жизни. Но ведь, кроме этого требования, художник должен ставить перед собой задачу раскрытия характеров, создания не только подлинности видимого, но и его красоты.

С Лактиновым трудно тягаться по части иллюзорности изображения. Но если иллюзорность является самоцелью, это у одних зрителей вызывает досаду, у других — нездоровый интерес. Да, есть у нас и такая публика, для которой в живописном произведении иллюзорность дороже всего. На Всесоюзной художественной выставке 1957 года около автопортрета Лактинова стояли толпы зрителей, возникли споры. Здесь можно было слышать разговоры о... стоимости драпа, из которого сито шапочки художника. И никто из спорящих не обращал внимания на очень сильно написанное лицо художника на портрете.

Нет, никакая даже самая замечательная цветная фотография не в состоянии соперничать с полнокровным живописным произведением, в котором художник сможет изобразить жизнь во всей ее полноте и реальности, когда иллюзия действительности будет передана подлинно художественными средствами.

Я так подробно остановился на картине Лактинова, чтобы поднять вопрос о подлинности современности реалистического стиля советского живописца. Искания нашей молодежи идут главным образом в направлении лаконизма и монументальности выражения образа современника. И здесь уместно вспомнить прошедшую недавно выставку московских художников, на которой был ряд очень сильных работ в этом плане. Напомню, к примеру, картину П. Никонова «Наши будни». Новые явления пришли в искусство. Великие гигантские строки коммунизма — изображаются художниками через трудности работ и дорог, через будни и повседневную напряженность труда, через образы простых людей. И жалко, что многие из этих работ московцев отсутствуют на всероссийской выставке. Их место заняли монументальные декоративные панно «манежных размеров», исполненные «манежной» живописью. (Этот термин имеет хождение в народе.) В грандиозных полотнах Манежа, чтобы не затеряться, надо работать в больших размерах и в особой грубовато-декоративной манере с резко очерченными, контрастными по фону силуэтами фигур и локальной закрашкой больших плоскостей... И все-таки лучшими и привлекающими внимание зрителя выставки являются те работы, которые созданы от души, от всего сердца, без ослепления ухищрений для того, чтобы выделиться и крикливо заявить о себе.

По моему мнению, самыми интересными на выставке безусловно являются картины Г. Коржева, В. Иванова, В. Гаврилова и ряда других художников молодого поколения. Три картины Г. Коржева — «Интернационал», «Поднявшийся знамя» и «Гомер» (Рабочая студия) — привлекают внимание зрителя подлинной человечностью. Коржев — художник-мыслитель, стремящийся раскрыть подлинную человеческие черты. К этой же плеяде одаренных художников надо отнести и В. Гаврилова — крупного живописца, автора полотна «За родную землю», суровой поэтической по-

сти картины — документ эпохи — знакомят нас с выдающимися деятелями советской культуры.

Надо признать, что около картины А. Лактинова всегда много зрителей. Здесь идут оживленные споры. Обычно принято перед его работами делать кистую гримасу, произнося при этом: «Конечно, мастерство... но ведь это границы с цветной фотографией!» Верно, мастерство у Лактинова большое, но оно направлено лишь на то, чтобы создать полную иллюзию жизни. Но ведь, кроме этого требования, художник должен ставить перед собой задачу раскрытия характеров, создания не только подлинности видимого, но и его красоты.

С Лактиновым трудно тягаться по части иллюзорности изображения. Но если иллюзорность является самоцелью, это у одних зрителей вызывает досаду, у других — нездоровый интерес. Да, есть у нас и такая публика, для которой в живописном произведении иллюзорность дороже всего. На Всесоюзной художественной выставке 1957 года около автопортрета Лактинова стояли толпы зрителей, возникли споры. Здесь можно было слышать разговоры о... стоимости драпа, из которого сито шапочки художника. И никто из спорящих не обращал внимания на очень сильно написанное лицо художника на портрете.

Нет, никакая даже самая замечательная цветная фотография не в состоянии соперничать с полнокровным живописным произведением, в котором художник сможет изобразить жизнь во всей ее полноте и реальности, когда иллюзия действительности будет передана подлинно художественными средствами.

Я так подробно остановился на картине Лактинова, чтобы поднять вопрос о подлинности современности реалистического стиля советского живописца. Искания нашей молодежи идут главным образом в направлении лаконизма и монументальности выражения образа современника. И здесь уместно вспомнить прошедшую недавно выставку московских художников, на которой был ряд очень сильных работ в этом плане. Напомню, к примеру, картину П. Никонова «Наши будни». Новые явления пришли в искусство. Великие гигантские строки коммунизма — изображаются художниками через трудности работ и дорог, через будни и повседневную напряженность труда, через образы простых людей. И жалко, что многие из этих работ московцев отсутствуют на всероссийской выставке. Их место заняли монументальные декоративные панно «манежных размеров», исполненные «манежной» живописью. (Этот термин имеет хождение в народе.) В грандиозных полотнах Манежа, чтобы не затеряться, надо работать в больших размерах и в особой грубовато-декоративной манере с резко очерченными, контрастными по фону силуэтами фигур и локальной закрашкой больших плоскостей... И все-таки лучшими и привлекающими внимание зрителя выставки являются те работы, которые созданы от души, от всего сердца, без ослепления ухищрений для того, чтобы выделиться и крикливо заявить о себе.

По моему мнению, самыми интересными на выставке безусловно являются картины Г. Коржева, В. Иванова, В. Гаврилова и ряда других художников молодого поколения. Три картины Г. Коржева — «Интернационал», «Поднявшийся знамя» и «Гомер» (Рабочая студия) — привлекают внимание зрителя подлинной человечностью. Коржев — художник-мыслитель, стремящийся раскрыть подлинную человеческие черты. К этой же плеяде одаренных художников надо отнести и В. Гаврилова — крупного живописца, автора полотна «За родную землю», суровой поэтической по-

сти картины — документ эпохи — знакомят нас с выдающимися деятелями советской культуры.

Надо признать, что около картины А. Лактинова всегда много зрителей. Здесь идут оживленные споры. Обычно принято перед его работами делать кистую гримасу, произнося при этом: «Конечно, мастерство... но ведь это границы с цветной фотографией!» Верно, мастерство у Лактинова большое, но оно направлено лишь на то, чтобы создать полную иллюзию жизни. Но ведь, кроме этого требования, художник должен ставить перед собой задачу раскрытия характеров, создания не только подлинности видимого, но и его красоты.

С Лактиновым трудно тягаться по части иллюзорности изображения. Но если иллюзорность является самоцелью, это у одних зрителей вызывает досаду, у других — нездоровый интерес. Да, есть у нас и такая публика, для которой в живописном произведении иллюзорность дороже всего. На Всесоюзной художественной выставке 1957 года около автопортрета Лактинова стояли толпы зрителей, возникли споры. Здесь можно было слышать разговоры о... стоимости драпа, из которого сито шапочки художника. И никто из спорящих не обращал внимания на очень сильно написанное лицо художника на портрете.

Нет, никакая даже самая замечательная цветная фотография не в состоянии соперничать с полнокровным живописным произведением, в котором художник сможет изобразить жизнь во всей ее полноте и реальности, когда иллюзия действительности будет передана подлинно художественными средствами.

Я так подробно остановился на картине Лактинова, чтобы поднять вопрос о подлинности современности реалистического стиля советского живописца. Искания нашей молодежи идут главным образом в направлении лаконизма и монументальности выражения образа современника. И здесь уместно вспомнить прошедшую недавно выставку московских художников, на которой был ряд очень сильных работ в этом плане. Напомню, к примеру, картину П. Никонова «Наши будни». Новые явления пришли в искусство. Великие гигантские строки коммунизма — изображаются художниками через трудности работ и дорог, через будни и повседневную напряженность труда, через образы простых людей. И жалко, что многие из этих работ московцев отсутствуют на всероссийской выставке. Их место заняли монументальные декоративные панно «манежных размеров», исполненные «манежной» живописью. (Этот термин имеет хождение в народе.) В грандиозных полотнах Манежа, чтобы не затеряться, надо работать в больших размерах и в особой грубовато-декоративной манере с резко очерченными, контрастными по фону силуэтами фигур и локальной закрашкой больших плоскостей... И все-таки лучшими и привлекающими внимание зрителя выставки являются те работы, которые созданы от души, от всего сердца, без ослепления ухищрений для того, чтобы выделиться и крикливо заявить о себе.

По моему мнению, самыми интересными на выставке безусловно являются картины Г. Коржева, В. Иванова, В. Гаврилова и ряда других художников молодого поколения. Три картины Г. Коржева — «Интернационал», «Поднявшийся знамя» и «Гомер» (Рабочая студия) — привлекают внимание зрителя подлинной человечностью. Коржев — художник-мыслитель, стремящийся раскрыть подлинную человеческие черты. К этой же плеяде одаренных художников надо отнести и В. Гаврилова — крупного живописца, автора полотна «За родную землю», суровой поэтической по-

сти картины — документ эпохи — знакомят нас с выдающимися деятелями советской культуры.

Надо признать, что около картины А. Лактинова всегда много зрителей. Здесь идут оживленные споры. Обычно принято перед его работами делать кистую гримасу, произнося при этом: «Конечно, мастерство... но ведь это границы с цветной фотографией!» Верно, мастерство у Лактинова большое, но оно направлено лишь на то, чтобы создать полную иллюзию жизни. Но ведь, кроме этого требования, художник должен ставить перед собой задачу раскрытия характеров, создания не только подлинности видимого, но и его красоты.

С Лактиновым трудно тягаться по части иллюзорности изображения. Но если иллюзорность является самоцелью, это у одних зрителей вызывает досаду, у других — нездоровый интерес. Да, есть у нас и такая публика, для которой в живописном произведении иллюзорность дороже всего. На Всесоюзной художественной выставке 1957 года около автопортрета Лактинова стояли толпы зрителей, возникли споры. Здесь можно было слышать разговоры о... стоимости драпа, из которого сито шапочки художника. И никто из спорящих не обращал внимания на очень сильно написанное лицо художника на портрете.

Нет, никакая даже самая замечательная цветная фотография не в состоянии соперничать с полнокровным живописным произведением, в котором художник сможет изобразить жизнь во всей ее полноте и реальности, когда иллюзия действительности будет передана подлинно художественными средствами.

Я так подробно остановился на картине Лактинова, чтобы поднять вопрос о подлинности современности реалистического стиля советского живописца. Искания нашей молодежи идут главным образом в направлении лаконизма и монументальности выражения образа современника. И здесь уместно вспомнить прошедшую недавно выставку московских художников, на которой был ряд очень сильных работ в этом плане. Напомню, к примеру, картину П. Никонова «Наши будни». Новые явления пришли в искусство. Великие гигантские строки коммунизма — изображаются художниками через трудности работ и дорог, через будни и повседневную напряженность труда, через образы простых людей. И жалко, что многие из этих работ московцев отсутствуют на всероссийской выставке. Их место заняли монументальные декоративные панно «манежных размеров», исполненные «манежной» живописью. (Этот термин имеет хождение в народе.) В грандиозных полотнах Манежа, чтобы не затеряться, надо работать в больших размерах и в особой грубовато-декоративной манере с резко очерченными, контрастными по фону силуэтами фигур и локальной закрашкой больших плоскостей... И все-таки лучшими и привлекающими внимание зрителя выставки являются те работы, которые созданы от души, от всего сердца, без ослепления ухищрений для того, чтобы выделиться и крикливо заявить о себе.

С ВЫСТАВКИ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

«Ученица» (из серии «Сегодня на целине») Гравюра на линолеуме Л. Г. Ройтер (Москва)

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

— Тво! И слыхом не слышала. Нема таких у нас.
— Чего-о-о? — показывая нарастающее возмущение, ловно представляя перед глазами «сверчок-гадюку», выткнула Франчица шею к сучье.
— Деть, занемей! Говорю, нема.
— Не-ету! — зашумела женихова родня, довольная действительным смущением Любы.
— Не было и не будет. Бей! Гони! Чья это выскалась? Чья она?
Стараясь не торопиться, чтоб это не получилось смешно, улыбаясь, Люба заложила за ухо прядь волос и четко, как на экзамене, сказала, наконец, ожидаемое:
— Франисова.

Зеленская сунула в руки Франчице заранее приготовленный старый горшок из-под финуса и та с размаху хлопнула его об пол, просясь, обидела Любу:
— Вот же она наша! Ну, чего вы на молоденькую расшумелись? Пожалуйте, доченька, пожайдите, сыночек, к столу.
— В президиум, в президиум! — проталивал их Музыченко в голову стола.
В дом вошло начальство: председатель колхоза Настасья Семеновна Шепеткова — сноха самого Матвея Григорьевича Шепеткова; рядом, неся грудного ребенка, заехоз, она же секретарь парторганизации, грузная, рыжая красавица Дарья Черненкова с мужем — бухгалтером колхоза; и с ними какой-то интеллигент — командированный, утром только приехавший из области проверить сельские библиотеки. Будто извиняясь в том, что нарушил тесный круг, он деликатно задержался у порога, протирая квадратные стекла пенсне на тонкой золотой пружинке.

— Давайте, — бесцеремонно подталкивала его Дарья, оправляя свои черновые, мелко наплетенные волосы. — Знакомьтесь с хозяйном. Автор новой пшеницы, вроде бы наш Мишурин... А на невесту гляньте! Вы же хоть пожайте, а невеста, в стороне от жинки интересуйтесь посматреть на молоденьких казачек? Вот она вам — настоящая казачка! Секретарь нашего хуторского Совета, Показжис. Люба!

— Хватит тебе девочку выставлять, — сказала Шепеткова, отводя Любу в сторону, дая ей сложенную по-магазинному газовую косянку.
— А для тебя, Василь Дмитрич, — по отчеству повелительная она жениха, — подарок за мной. Получишь, если в город не сбежишь, останешься в колхозе.

Настасья Семеновна, худощавой смуглой женщине, было лет тридцать восемь—сорок, но держалась она покойливо, может, по своей долготелости, может, по давнему уважению. Ее девичье-заостренную небольшую грудь обтягивала светлая кофточка. Брови, густо сросшиеся на переносе, делали лицо мужским, строгим; волосы с пробором посредине были черны и тоже строгие, и эту строгость не нарушали ни маленький привиденный нос, ни две коричневые родинки — одна слева, в уголке рта, другая на щеке, ближе к виску. Шепеткову

я сверкнула угрою, рано щека застала. Я секунду ужом

ВЕСНА в этом году пришла и нам с нежданным запозданием. Но, может быть, именно поэтому она особенно прекрасна. Правда, саловники озабочены: успеет ли все расцвести? Согласно старым приметам, лишь в том случае будет много плодов, если вишни, яблони и груши отцветут за один месяц и если их не повредит мороз. По-видимому, в этом году будет настоящий май, большой, продолжительный праздник цветов. На демонстрациях трудящиеся будут танцевать, петь и веселиться, но только радужные цветы природы, но и думая о других больших делах: только бы все как следует расцвело за месяц, только бы не вернулось мороз — тогда, как мы все верим, поспеют обильные плоды и в близком, и в далеком будущем.

СТРАЖ МИРА

стиные, сумасшедшие неонацисты Западной Германии. Мирный договор ложит конец их наглым догматическим претензиям.

РАДОСТНЫМ будет в этом году Первомай. Мы встретим его предположительно в надежде, мы будем праздновать праздник труда и праздника освобождения. Мы посетим Советскую выставку в Праге, а москвичи — выставку Чехословакии. Мы будем избирать депутатов в Национальное собрание и в национальные комитеты. Мы услышим концерты ансамбля Александра Давидова. У нас в Праге будут гости всего мира на музыкальный «Пражский вечер». И тысячи советских туристов приедут в Прагу весной и летом этого года. Мы покажем им, что мы их любим и просим их, чтобы они видели в нас бдительного стража мира во всей Европе.

ПРАГА, 30 апреля. (По телефону).

Фрагмент КУБКА

хранить и отстоять мир. Мы относимся к результатам встречи на высшем уровне оптимистически, потому что мы уверены не только в правоте своего дела, но и в тех силах, которые стоят за ним. Это — моральные и материальные силы Советского Союза и всего нашего лагеря. Они непобедимы, ибо неодолим дух мужины и женщины, которые посланы в космические пространства искусственными спутниками Земли и Солнца, а на Луне поместили эмблему с серпом и молотом.

У ЧЕХОСЛОВАКИИ есть еще одно основание, чтобы ожидать от парижской и других встреч на высшем уровне улучшения своего собственного положения на мировой арене. Наша республика является соседом обоих государств, на которые распалась гитлеровская Германия. Чехословакия соседствует с Германской Демократической Республикой, является ее другом и союзником; но она соседствует также и с Западной Германией, которая постепенно, но без коварной поддержки западных и заокеанских империалистов, превращается в военную угрозу миру. Мы верим, что на конференции на высшем уровне будут практически обсуждаться проблемы Германии и ненормальное положение «двойного» Берлина, что будут сделаны хотя бы первые шаги к оздоровлению болезненного положения в самом центре Европы. Если должна быть ликвидирована война со всеми ее остатками, то должна быть решена и германско-берлинская проблема в духе мира и государственного разума.

Чехословакия стремится к мирному договору с Германией и отказывается жить и воевать в атмосфере милитаристских и ревизионистских угроз. Мирное сосуществование нужно подготовить психологически и юридически также и на границе Германии с Чехословакией. В том, что эта граница неизменна, пусть не сомневаются даже самые яростные враги мира.

В НАЧАЛЕ мая мы отмечаем 15-ю годовщину окончания второй мировой войны. Именно в Чехословакии отшумели последние сражения этой войны и Прага была последним европейским городом, в который вошла Советская Армия-освободительница. Советские поэты написали много стихов и поэтической прозы о тех торжественных днях. Советский солдат вступил как освободитель в столицу Чехословацкой Республики, и народ раскрыв ему свои объятия, как невеста жениху. Союз народов Чехословакии и Советского Союза, упрочившийся на полях битвы, был окончательно закреплен освободительным подвигом 9 мая. То, о чем тысячи лет мечтали лучшие представители чешского и словацкого народов, стало явью. Западные славяне обрелись, как братья, с восточными славянами.

МАИ этого года в Чехословакии явится месяцем всенародного обсуждения новой Конституции Чехословацкой Республики, которая будет подлинно социалистической Конституцией. Эта Конституция охватит не только все пятнадцатилетнее развитие нашей страны, но наметит программу дальнейшего развития демократии, свободы и революционных достижений трудящихся. Конституция четко определит, что Чехословакия — это социалистическое государство и что по пути социализма она будет двигаться рука об руку со своим великим союзником, братским Союзом Советских Социалистических Республик.

НА ПЕРВОМАЙСКИХ демонстрациях, как всегда в этот день, люди будут выступать за мир. Политика Советского Союза, в первую очередь выжить председателя Советского правительства Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты и во Францию, пробить ледяной затор «холодной войны» и открыть дорогу к мирному осуществлению народов. Советское предложение о полном контрольном разоружении, выдвинутое на заседании ООН советским премьером Хрущевым осенью прошлого года, стало основой нынешних встреч в Женеве: совещания десяти государств по разоружению и совещания трех держав о прекращении испытаний ядерного оружия. И хотя нельзя отрицать, что достигнутый прогресс весьма невелик и наталкивается на сопротивление кругов, заинтересованных в гонимом вооружении, уже самый факт обсуждения является успехом лагеря мира. Политика мирной дискуссии противостоит «холодной войне». За этой политикой стоит большая часть мировой общественности, разочаровавшейся в политике империалистических правительств.

Всеобщая воля к миру добилась и встречи на высшем уровне, которая состоится тоже в этом мае, подводящем так много надежд. В Чехословакии нет человека, который не желал бы ей самых больших успехов. Майские демонстрации, выступления и митинги трудящихся, наши печать и радио в эти дни подчеркивают волю нашего народа со-

УТЕШИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ...

Первое мая еще не наступало, а в «свободном западном мире» власть имущие уже убеждают, что трудящиеся все больше осознали свое сиюминутное благо и начинают выражать свою волю. Весна этого года преподнесла «сюрпризы» правительству Юнайтед Нейшнз: в Берлине, в Корее, Турции и Иедалор американская газета «Нью-Йорк таймс» предала грустные литературоведческие размышления: «Как говорила мать Гамлета, «за одним несчастьем по пятам бредет другое». Первое была Корея, теперь Турция — бастионы Запада на границах коммунистического мира».

...И НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

Объявляя предмайские выступления трудящихся «случайными», правители капиталистических стран тем не менее в отчаянии спешно принимают «меры предосторожности». Из Турции сообщают: в Анкаре и Стамбуле заведено военное положение сроком на три месяца. Из Японии сообщают: полицейское управление в Токио решило «для охраны порядка» «как мобилизовать 10 тысяч полицейских». Из Италии сообщают... Из Греции сообщают...
Но хватит ли десяти тысяч полицейских, если сегодня на демонстрации в Японии выйдет четыре миллиона человек? Если по всей Италии ширится борьба за создание правительства из левых сил? Если в Праге ожидается провозглашение «весенних крестных», которые — о ужас! — «постоянно говорят о своих правах, а не о своих обязанностях»? Если рабочие крупнейшего автомобильного завода в Испании пятый день продолжают массовую демонстрацию протеста против уменьшения заработной платы? Если в Англии сегодня бастуют 50 тысяч молодых рабочих?

ША ОУ

В КАНУН ПЕРВОМАЯ
Бушует металл, как черный поток,
И смехом звенит золотое пламя.
А ну-ка, давай подведем итог:
Шлях раньше срока вышол нам!

Товарищ! Как я могу заснуть
В этот чудесный канун Первомаля?
И ты взволнован сегодня, весну
Искрами новой плашки встречаю.

Не спрашивай, мысли мои о чем...
Рассвет над столицей счастьем
окрашен.
Мы перед трубушкой, к плечу плечу,
Завтра пройдем по площади нашей.

Перевела с китайского
Светлана МАРКОВА

«СТАТЬЯ К ПЕРВОМУ МАЮ»...

ПРОИЗОШЛО чудо — чудеса случаются порой даже с теми, кто в них не верит; мне удалось съехать на несколько дней от редакционной суеты и телефонных звонков в буржуйскую деревню, где я мог читать книги не для того, чтобы писать рецензии, просматривать газеты, не выискивая тем для статей, и без всякой цели гулять по дорогам, окаймленным цветущими деревьями. Но проклятие, тяготеющее над неверующими, подчас, вероятно, сбывается и на этой свете: вошел почтальон в форменной фуражке, с сумкой за плечами, с печатью рока на лице и принес телеграмму от «Литературной газеты»... Почта с немолчаливой педантичностью послала ее мне вдогонку сюда, где я как считалось, предаюсь блаженному отдыху. «Хотели бы получить статью в Первомай. Тема по вашему усмотрению. Дружеский привет». Подпись: «Литературная газета».

Нужна статья. Еще одна статья... Мной овладело безмерное уныние. Показалось, что всякий раз Первомай, начиная с самого первого Первомаля, «Литературная газета» оглушала меня телеграммой! Наверное, еще отцы нынешних работников «Литгазеты» посылали мне телеграммы, когда я был семилетним мальчуганом и, по словам родных, юным поэтом: тогда лавочники, повернутые в ланку рабочими демонстрациями, притаившись, ждали, что рабочие вот-вот начнут делить между собой их уродливую мебель... Мне представилось, что другая «Литературная газета» в 1918 году предьявляла по телефону свои требования юноше, который носил черный галстук в знак траура по брату, убитому под Верденом; юноша писал стихи не хуже, чем другие, — я заявляю об этом с гордостью, — но и не лучше, чем другие, — я вынужден это признать; впрочем, с точки зрения сегодняшнего дня стихи его были совершенно чужды нам по духу, а значит, и статья, которой он мог тогда разразиться, оказалась бы абсолютно бесполезной... В 1918 году во Франции день Первомаля был днем войны против Германии (не знаю, как сказать: «был еще днем войны» или «был уже днем войны»). Об этом стоит поразмыслить). А в военное время в капиталистической стране Первомай праздновать не могло: ведь это день самоуправления рабочего класса, день, когда трудящиеся предьявляют свои требования мира, законности, демократии. Мир, законность, демократия... Можно ли терпеть подобную прелесть в период, когда грохот пушек приостанавливает всякую политическую жизнь?

Быть может, мне телеграфировали в 1934 году? Право, это было бы разумнее: разве не интересно было узнать, что думает в этот первый из своих Первомаев гражданин Андре Вюрмсер, гражданин очень серьезный, удручающе серьезный, которому лишь недавно открылось, что мир живет не только дерзавыми литературы и одиночеством литераторов. Истина эта открылась Вюрмсеру в зареве двух пожаров, различных по масштабам, но одинаково по смыслу. Сперва в Берлине пылал рейхстаг, подожженный гитлеровцами, а годом позже на площади Согласия в Париже горел автобус, пострадавший во время фашистского мятежа 6 февраля...

Хотелось бы знать, не телеграфировала ли мне «Литературная газета» в канун Первомаля 1940 года? Хотелось бы знать, мог ли получить ее телеграммой солдат Андре Вюрмсер, кушавший себе пальцы от ярости и безделья в Париже, где его полк охранял станцию метро (охранял до того зорко, что все

они на месте и до сих пор; пожалуйста, пересчитайте!). Спустя несколько дней германские полчища захлестнули Францию (не знаю, мой генерал, мой президент, как сказать: «уже захлестнули» или «опять захлестнули?»). Настала пора гитлеровского нашествия, отступления, фашистской оккупации, тюремного заключения, писания статей для подпольной печати.

Я стал коммунистом. «Как идут к источнику за водой», говоря словами Пинкасо, но такие, чтобы не краснеть за себя. В каждый следующий Первомай, принимая ухом к радиоприемнику, я слушал, все мы слушали только надежды, голос будущего, не только будущего Советской страны, но будущего всех людей.

Первое мая 1946 года. То был один из последних Первомаев, когда над головами парижан, шествовавших по улицам французской столицы, развевались и трехцветные, и красные знамена. Вскоре власти запретили эти «подрывные демонстрации». Нам, познанным священной радостью освобождения, оставалось завоевать права, обеспечивая освобождение пролетариев. Ах, свобода, свобода, — когда, наконец, мы перестанем писать это слово с красноречивой большой буквы, а ощутив все его будничную предельность.

Но вот что я точно знаю: Первомай мая 1949 года «Литературная газета» не обращалась ко мне с просьбой о статье. Я был в Ферганае. Я смотрел, как идут плечом к плечу, по главе колонн советских школьников, учительницы — одни с зачесанными вверх белокурыми волосами, другие с черными косами, падающими на плечи. Это — прообраз нашего будущего: будущего французского народа, будущего алжирского народа. Я обрел в Ферганае новых друзей и уехал на родину с новой верой в свою родину.

Я запомнил следующую цифру: в Ферганской долине сейчас в 67 раз больше учителей, чем было в момент установления Советской власти...

Всякий раз Первомай... Был ли за последнюю четверть века хоть один Первомай, когда я не писал бы посвящения ему статей? Для «Литературной газеты»? Для какой-нибудь другой газеты? Если человек трудит слишком много времени на писание статей и слишком мало на размышления, у него бывают минуты раздражения и усталости. И он говорит: «Снова Первомай! Еще одна статья к Первомай!».

Большая Вспоминка-на свои старые Первомаи, погляди на нынешние — на эти толпы, поющие гимны нашей победе на трети земли (не говоря уж о луне, где водружен герб, дорогой гиему сердцу). А поминши мрачную гитлеровскую Германию, которую ты пересек в 1936 году, отправляясь в Москву на первомайские торжества? Поминши наглых полководцев панской Польши, встречая которых рабочницам приходилось сходить с тротуара? Вспомни скандальную хронику балканских королевских фамилий и нелепую претенциозность их приворной жизни. Подумай о колючих иголках империй, которые буря сотрала сегодня, словно старые деревья. Да, те, чьи имена названы улицы, не зря отдали жизнь в борьбе за лучшее будущее! А ты ворчишь: «Одна статья за статью?..» И это все, что ты можешь сказать?! Значит, ты недостойн своего времени — эпохи радостнейшего пробуждения человечества, эры решающих побед человека...

Простите меня, друзья. В этой статье слишком много говорится об авторе и слишком мало о тех, кого он должен был бы воспеть: о солдатах и героях Первомаля. Но вы увидите, вы увидите, какую волнующую статью я еще напишу о Первом мая!

ПАРИЖ, 30 апреля. (По телеграфу)

Марс, бог войны: — Они радуются Празднику труда, а меня обрекли на безработицу!.. Рисунок для «Литературной газеты» французского художника КАМБА

Раздумья на пути в Европу

Джозеф НОРТ, американский публицист

КОРАБЛЬ выходит в открытое море, и яркие огни Манхэттена меркнут вдаль. Но перед глазами еще долго маячат два видения: фантастические контуры небоскребов на Уолл-стрит, где совершается большинство крупнейших в мире финансовых сделок, и медленно удаляющаяся статуя Свободы с факелом в руке. Я стою на палубе и, опершись о поручни, прихожу к заключению: если хочешь получить верное представление о своей стране, не мешает взглянуть на силуэт Уолл-стрита и бронзовую богиню издалека, в должной перспективе. Что ни говори, а время от времени полезно покидать пределы своей родины, чтобы лучше разобраться в ней, как она выглядит.

Прежде всего о самом главном, и я рад высказать это главное. Моя страна и ее могучий миролюбивый народ волнуют большие надежды за совещания в верхах, которые откроются вскоре в Париже в одном из прекраснейших городов Европы, куда направляется наш парокход.

Когда я покидал родину каких-нибудь несколько часов тому назад, эти слова — «совещание в верхах» — были у всех на устах. Все кандидаты в президенты (в нынешнем году нам предстоит президентские выборы) в первую очередь заявляли, подобно Эдлау Стивенсону, что основное в предвыборной кампании — вопрос о мире и связанный с ним вопрос о разоружении. Именно благодаря постоянному этим проблем встреча премьеры Хрущева и президента Эйзенхауэра в Кэмп Дэйвиде стала одним из важнейших исторических событий нашего времени. В тот момент я был в Геттисберге и плавно, как выглядела Америка, когда Хрущев находился на нашей земле. Повсюду чувствовалась надежда, готовность верить в добрые намерения гостя, а вместе с тем — понимание необходимости такого доверия и, что столь же важно, вера в добрые намерения самой Америки.

Все это предвещает успех совещания в верхах. Разумеется, всем ясно, что на совещании не удастся, словно по мановению волшебной палочки, урегулировать все проблемы разом, хотя этого хотелось бы каждому. Однако все ждут великих свершений.

Лучше всего настроение Америки передают слова одного из самых замечательных ее сынов — ученого Л. Поллинга, которые мне довелось слышать за несколько недель до отъезда: «Мир, в котором мы живем, чудесен. Я люблю этот мир. Я люблю людей. Я люблю животных. Я люблю растения. Я люблю звезды, горы, океаны, кристаллы и камни — все, что только есть на земле». Поллинг выразил чувства, которые разделяют многие американцы. «Но я боюсь», — добавил он, — что этот чудесный мир будет уничтожен, что может вспыхнуть война и будут пушены в ход «тысячи крупных ядерных бомб, которые сейчас имеются в запасе». В то же время Поллинг проявил присущий нашему народу оптимизм, выразив надежду, что человек в конце концов разведет и этот ужас. «Я верю», — сказал он под конец, — что мир не будет уничтожен. Я верю, что нам удастся заключить международное

соглашение о прекращении испытаний ядерного оружия, уменьшить опасность случайного возникновения ядерной войны и добиться всеобщего разоружения».

Да будет так! Я верю, что его слова выражают основное настроение американского народа в наши дни. Американцы горячо стремятся воплотить в жизнь все то, о чем говорил Поллинг, и я убежден, что их громкие призывы к миру заглушат доносящиеся с нашего континента хриплые наглые вопли, накликающие войну.

Результаты опросов общественного мнения неопровержимо доказывают, что наш народ страстно жаждет соглашения. Вот почему каждый из кандидатов в президенты старается доказать, что если будет избран именно он, то эти соглашения наверняка будут достигнуты. Чтобы заполучить голоса избирателей, необходимо посулить им, что их надежда осуществится. Ибо народ требует мира все громче, и голос его звучит грозно, как раскаты грома. Я не стану приводить многочисленные высказывания своих соотечественников — вы и так найдете множество сообщений о том, что по всей стране выступают профсоюзные деятели и фермеры, студенты и представители различных религиозных общин, требуя мира и разоружения.

Да, я рад поведать об этом, ибо чувства, обураваясь американцев нынешней весной, в эти майские дни, волнуют и вдохновляют меня: так как в наше время все народы стали соседями и находятся в тесной связи друг с другом, теплые чувства согревают сердца всех людей.

Позвольте привести в пример американскую молодежь, ибо настроение молодежи всегда служит барометром, по которому можно судить о политическом климате страны. Несколько недель тому назад я побывал в Ричмонде (штат Вирджиния) — городе, который некогда был столицей Конфедерации, оплотом рабовладельцев в годы гражданской войны. Мне хотелось написать о смелой борьбе студентов-негров, выступающих против позорных законов, которые лишают их самого элементарного права — есть там, где едят все остальные люди, где едят белые. Они требуют, чтобы их обслуживали так же, как белых, добиваются всего-навсего права поуплатить себе совместно с другими людьми. Но в Америке это пахнет тюрьмой, а то и чем-нибудь хуже. Здесь, в Ричмонде, полиция арестовывает негров одного за другим, но они не отступают, борются становится все больше и больше. Тысячи молодых негров повторяют свое требование снова и снова. У дверей крупнейшего в Ричмонде универсального магазина я видел выставленные или пикеты. Молодые негры расхаживали с плакатами, зажав учебники под мышкой. У миловидной девушки лет семнадцати я заметил геометрию Эвклида и книгу Гете. А напротив нее стояли полицейские с ошварками, и огромные собаки рвались с поводка, но только по первому знаку бросится на

людей. Но пикетчики держались замечательно. Да и не только они — вся негритянская молодежь, юноши и девушки, двинулся в поход за освобождение своего народа. Характерно, что в университетах Севера и Запада, где большинство составляют белые студенты, они все чаще и чаще включаются в борьбу, плечом к плечу с черными. Ничего подобного Америка не видела со времен массовых сидячих забастовок и голодных походов тридцатых годов. Во всей Америке быстро и ошутливо укрепляются ряды борцов за мир и демократию.

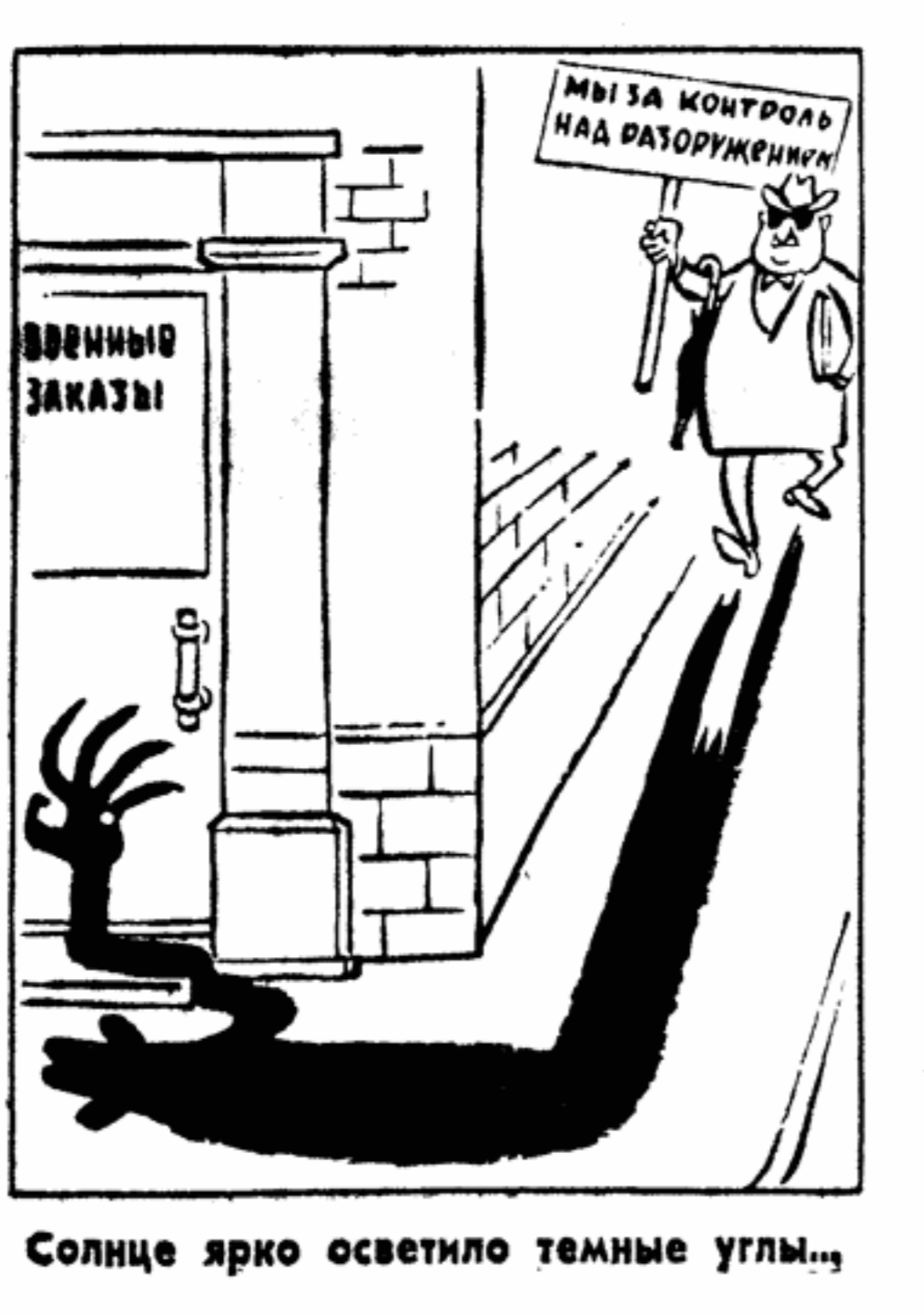
Чтобы увидеть все это, вовсе не требуется прибегать к помощи магического кристалла. Теперь наш народ уже понял, что божество вовсе не обязательно должно быть американским гражданином; что вовсе не всегда наши слова и действия продиктованы непосредственно всевышним и вовсе не все высказывания нашего правительства в прошлом и в настоящем можно считать неоспоримым проявлением мудрости. Пожалуй, есть на земле другие народы и иной образ жизни, и эти народы не уступают нам, а их образ жизни — нашему. Как я уже раньше писал на страницах «Литературной газеты», до нашего сознания кое-что дошло в том земную атмосферу, устремился в космос. В тот день, 4 октября 1957 года, многое стало сразу яснее, словно в ослепительном свете молнии. Тогда-то и начались горячие споры. Они не утихают по сей день, и это хорошо.

Америка напрягает свои мозги. Что ж, это отрядный признак, если вспомнить, как много лет она напрягала только мускулы. Приезд премьеры Хрущева разбудил мысль многих. Люди увидели представителя другой сверхвеликой державы, и увидели его во плоти. Они услышали его голос, смогли следить за ходом его мысли. Он поставил перед ними вопросы мирного сосуществования, разоружения, мирного соревнования двух систем в борьбе за лучшее будущее человечества. Он поставил перед всей нацией в целом вопросы, которые не ставились, перед ней никогда. И думы, которые он всколыхнул, не исчезли после того, как огромный турбовинтовой самолет, увозящий Хрущева, приветственно погнался, поднимаясь в воздух, за аэродорожа Эндрюс.

Потому в эти майские дни, невзирая на тревожные симптомы, которые сейчас наблюдаются в США (я имею в виду неустойчивость некоторых поджигателей войны и расистов, а оно все еще велико), я думаю прежде всего о других, противостоящих им силах. Силы эти растут сейчас с такой быстротой, о какой еще в прошлом году нельзя было и мечтать. И вот, стоя на палубе парохода, бороздящего синие воды Атлантики, я радуюсь наступающему миру: радуюсь приближающемуся совещанию в верхах и предстоящей поездке нашего президента в СССР.

Со всех сторон меня обступают необозримый морской простор, и я острее ощущаю, что в этот майский день 1960 года перед человечеством открываются прекрасные и неоглядные дали. Борт лайнера «Юни Марс». Апрель.

ВЕСЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЗИМУ — ВОН!

Рубчатый диван... Вплелась в листы газет... Весна в окно стучится...

ВЕСНОЮ-ВЕСНОЮ

Весною-весною, Стороной лесною, С тобою едином явном...

Поет и цветет все кругом, Мы ходим и бродим друг друга находим...

Musical score for 'Весною-весною' with lyrics and musical notation.

КОГДА ПРИХОДИТ НАСТОЯЩАЯ ВЕСНА...

По календарю весна начинается в марте. В жизни бывает иначе. Однажды Александр Блок сказал мне...

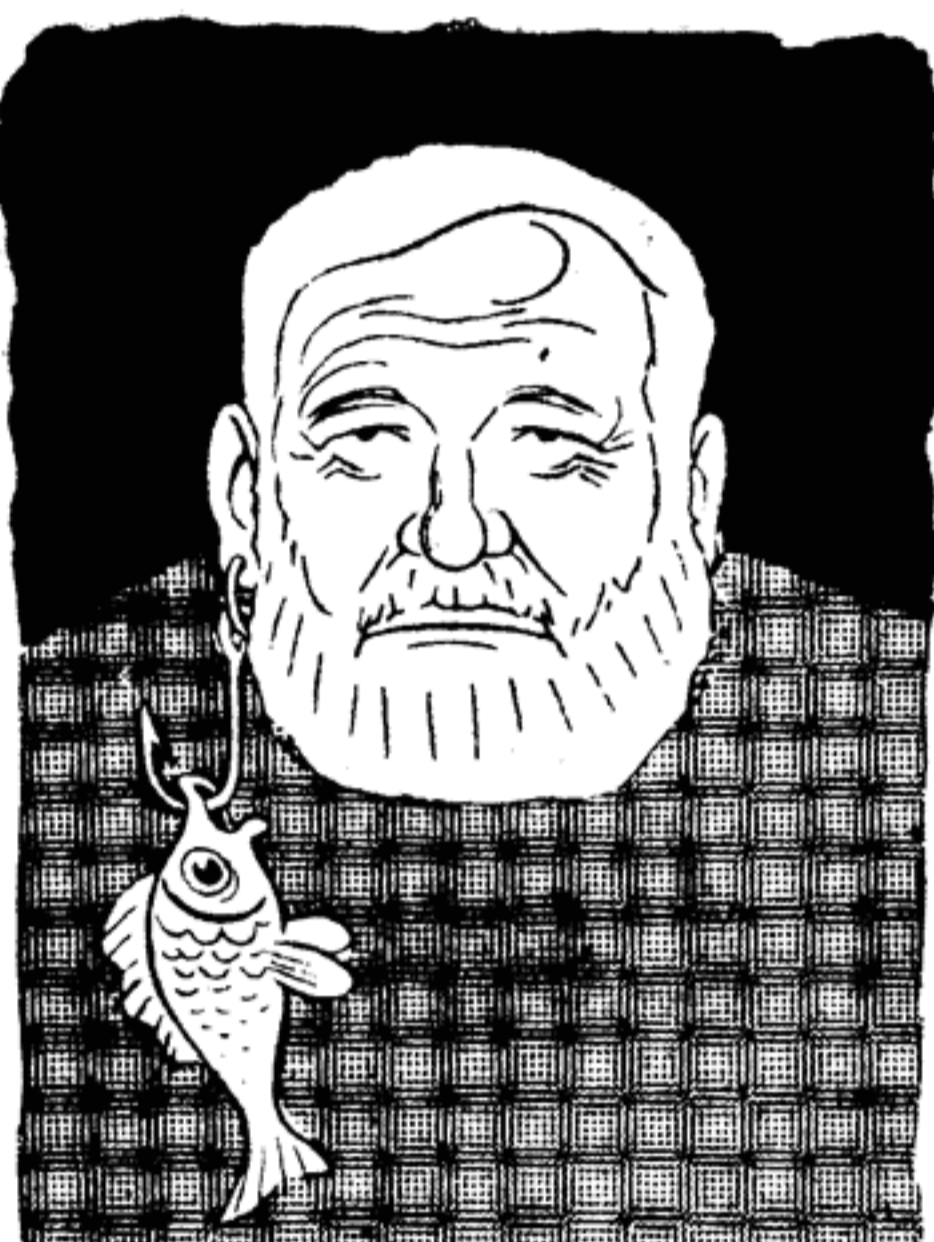

Эрих Мария РЕМАРК

Весна в расщелку

...Жидким золотом тек коньяк, джин сверзал, как аквамарин, а ром был воплощением самой весны...

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ НА БИГ-РИВЕР. III

Старик ловил неводом рыбу... «Мне очень жаль, но ничего не поделаешь, рыба...» — сказал он громко...

Старик в задумчивости почесал свой оксипитус... «Мне жаль тебя, но мне жаль и себя, рыба. Ведь, охотясь за тобой, я расставлю сеть и себе...»

Утро года... Май...

Радостные, в праздничном настроении собрались сотрудники Литературного музея. На повестке дня один вопрос: — Весна!

Валентин КАТАЕВ

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Издавна весна в Одессе начиналась не тогда, когда в Люстдорфе появлялись первые купальщики. И даже не тогда, когда вице-король одесских сумасшедших Марьяшес сменил свою старую касторную шляпу...

на никелированный замочек профессорского портфеля. — Что? Заело? Босвак! — От босвяки слышу!

МОЛОДО-ЗЕЛЕНО

Головы лысеют, куда ни плюнь — плешь. Только лишь Асеев, как весна, свеж.

ЗАВЕТНАЯ БЕСЦВЕТНАЯ

В сезониом вздохновении Перо он в руки взял И Сприную-весеннюю К моменту написан. Сады в ней распушались.

Литературные советы домашним хозяйкам

Если у вас залежались старые вещи, не торопитесь выбрасывать их. У хорошей хозяйки ничего не пропадает. Даже если вещи тронуты критикой, весной их можно слегка проветрить...

САЛАТ «ВЕСНА» (Рецепт критического обзора) Взять несколько зеленых стихов и голубых рассказов о весне. Мелко порубить, смешать авторов, положить дитя по вкусу...

ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ Если у вас есть собака или кошка, вы всегда можете описать их. Лучше всего сделать это весной, когда домашние животные застено оживляются.

ГАВ-ГАВ ИЛИ МЯУ-МЯУ Наша Мурка всегда говорит: мяу-мяу... Иногда она говорит: мяу-мяу... Спереди у нее нос, а сзади хвост. Шерстка у Мурки пушистая-пушистая. Она очень любит умищаться.

Обзор теа-кино-лит. мод прошедшего сезона

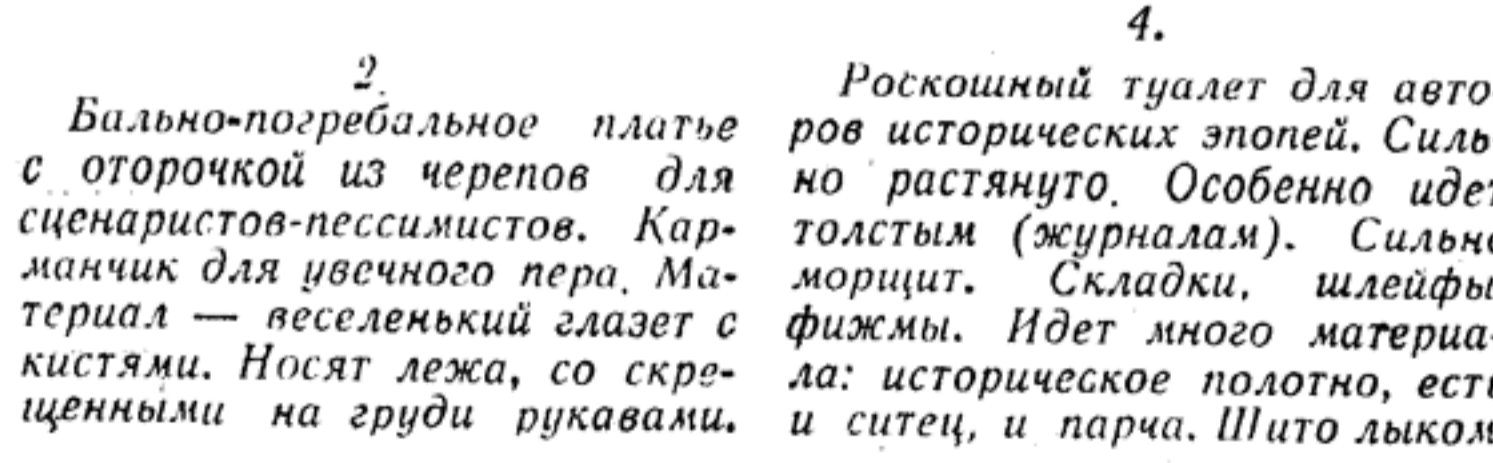
В зимнем сезоне 1959/60 года было в моде и короткое и длинное, хотя преобладало последнее, часто без достаточной отделки. (Например, модель «Сын века», автор Н. Курпич-нов).

Униформа для переводчиков, грубо подстрочная. Иногда прочна выдерживает несколько изданий. А иногда, где слишком тонко, — там и рвется (редактором).

Спецовка для авторов производственных романов. Большие докладные карманы (для докладов и тезисов). Маленькие карманы для инструментов, необходимого при закручивании сюжета и долблении директоров-консерваторов. Строчка-мелкая, убористая. Материал — кровельное железо. Способ изготовления — штамповка. Не шитье, а литье.

Бильно-погрязальное платье с оторочкой из черепов для сценаристов-пессимистов. Карманы для усачьего пера. Материал — вседневный газет с кистями. Носит лежа, со скрепящими на груди руками.

Черно-белая двусторонняя гола для критиков. Запросто переворачивается, сильно изменяет обличье. Шато-крыто.

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет 5 мая. Главный редактор С. С. Смирнов. Редакционная коллегия: В. Н. Болховитинов, Ю. В. Бондарев, Б. А. Галин, Г. Д. Гулина, Г. М. Корабельников, В. А. Косолапов (зам. главного редактора), М. М. Кузнецов (зам. главного редактора), Б. Л. Леонтьев, Г. М. Марков, В. С. Медведев, Г. Г. Радов, В. А. Солоухин, Е. Д. Сурков, А. С. Тертяев.

Воробы

Пробудился от крика я С первым проблеском дня — Воробышки, циркиная, Разбудили меня.

«ВЕСНА В ПОДМОСКОВЬЕ»

Прежиссер подмосковный лес в весеннем своем уборе! Лапчатые астры клеенов, красные головки морючки, пердошки и зубровки, золотистая пыльца неормалоснов...

